

Алексей Доронин

ДЕТИ АВГУСТА

«КРЫЛОВ»

Черный день

Алексей Доронин

Дети августа

«Крылов»

2017

УДК 84Р1-44
ББК 882

Доронин А. А.

Дети августа / А. А. Доронин — «Крылов», 2017 — (Черный день)

50 лет назад мир опустошила ядерная война. Людям пришлось выживать на отравленном пепелище. На всей территории бывшей России, всей Евразии... да и всего мира – нет больше ни одного государства, похожего на прежние. Только разбросанные среди безлюдных земель оазисы жизни, где в дефиците даже чистая вода и плодородная земля. И сюда из далеких земель приходит моторизованная орда. Кто не радуется приходу Орды, становятся пылью под ногами человека, который называет себя Уполномоченный. Он – пастырь народов и сотрясатель вселенной. Ему служат выходцы из разных наций и племен бывшей России. Его бронированные грузовики-«дредноуты» – его карающий меч. Армии и ополчения разбегаются перед ним, города сдаются без боя. Но вот одному из отрядов Орды попадаются на пути два мирных поселения на самом краю обитаемых земель. И вновь, как уже бывало много раз, мирные люди, не хотевшие воевать, могут остановить зло только встречным пожаром своей испепеляющей ненависти.

УДК 84Р1-44
ББК 882

© Доронин А. А., 2017
© Крылов, 2017

Содержание

Пролог. Эпоха человечности	6
Часть 1	11
Интермедия 1. Муравейник	11
Глава 1. Окурок	17
Глава 2. Меч Всевышнего	30
Глава 3. Добровольцы	45
Глава 4. Сабантуй	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей Доронин

Дети августа

© А. Доронин, 2017

© ИК «Крылов», 2017

* * *

Памяти моего отца А. В. Доронина

*Если добро не может победить, надо сделать так, чтоб победа
досталась злу как можно дороже.*

Неизвестный

Пролог. Эпоха человечности

«Был июль, понедельник, девять двадцать по Гринвичу.

Место это когда-нибудь назовут Конго. Или Заиром. Или Ботсваной. Но пройдут еще сотни тысяч лет, прежде чем кто-то на Земле придумает слова для обозначения времени и места. А пока это была просто саванна – равнина, перемежающаяся островками невысоких деревьев.

В горячем воздухе кружилась пыль, над землей плыло знойное марево. У древнего пересыхающего озера, недалеко от медленно текущей мутной реки сошлись две стаи вставших на задние лапы зверей. Сошлись не на жизнь, а на смерть, решая древним и проверенным способом, кому быть, а кому нет.

Они еще не знали правильного строя и сражались густой толпой, мешая друг другу, толкаясь волосатыми локтями и не слыша в кровавой сутолоке своих вождей. Последним же было не до отдачи команд: они не прятались за спинами своих воинов, а бились впереди всех – не самые умные, но самые крупные и свирепые особи, способные кулаками и пинками доказать свое право на лидерство.

Им не нужны были даже шкуры убитых животных – климат этого края вблизи экватора был теплым, хотя глобальное похолодание уже начало постепенно сковывать почвы льдами в северных широтах Евразии. Для холодных ночей тела этих существ были покрыты густым волосом, который делал их еще более похожими на недальних родичей, передвигавшихся на четырех ногах.

В руках у них были дубины, выломанные из целых стволов молодых деревьев, некоторые даже с зелеными листьями, и острые камни, расколотые самой природой. Ни точить, ни заострять, ни обжигать на огне эти существа еще не умели.

Их голосовые связки почти не отличались от тех, что есть у современных людей, но язык тоже больше напоминал звуки, которые могут издавать звери. В нем переплелись уханье шимпанзе и орангутанга, рев голодной или впавшей в гон гориллы, рычание рассерженного бабуина.

Но было отличие: в их глазах уже жила искра разума. И эта искра воспламенила топливо бурливших инстинктов, сделав их в тысячу раз опаснее любых хищников, хотя от природы они были травоядны и зубы и ногти имели плоские. Когда-нибудь она даст им силу и подвигнет на великие свершения. Она подарит им огонь, чтобы они могли обогреть свои убогие жилища, готовить пищу и закалять в нем свое оружие. Огонь, который при случае всегда будет готов поглотить и их хижины, и их самих. Огонь, который однажды сам станет оружием и сделает их повелителями Земли.

Надолго ли? И не для того ли, чтоб обречь на страшную гибель и обратить в прах?

Дерущиеся не могли этого знать. Они жили одним днем, не помня о прошлом и не думая о будущем. Просто не представляя себе этих категорий.

Здесь, в девственной саванне у них было много врагов. Львы, леопарды и гиены могли разорвать их слабые тела своими когтями и клыками, а свирепые носороги и даже обманчиво добродушные слоны – пронзить рогом или бивнем, либо втоптать в грязь ножищами, превратив в кровавую кашу.

Но самым страшным врагом в этот момент истории стали для них им подобные. Еще не так много было на Земле этих странных существ, почти не выделяющихся из большой семьи своих генетических родственников. Но пути их пересекались часто, потому что они редко оставались долго на одном месте, а инстинкт вел их по одним и тем же маршрутам вдоль рек, богатых рыбой, на берегах которых росло много плодовых деревьев и съедобных растений. Раньше они были обитателями влажных экваториальных лесов. В этом эдемском саду детство челове-

чества проходило довольно благополучно, на диете из фруктов, и у каждого всегда было готовое убежище от врагов среди ветвей над головой. Но когда климат начал медленно изменяться, вслед за ним начала меняться флора и фауна. Саванна наступала на леса, а на саванну наступала пустыня. Им оставалось или приспособливаться, или умирать. И это приспособление включало в себя способность отбивать хорошие места для стойбищ у более слабых соседей.

Они достигали половой зрелости значительно раньше современных людей, и в этом был резон. Ведь они редко доживали до тридцати лет – и каждый третий погибал от рук сородича: либо из враждебного племени, либо во внутриплеменной сваре из-за самок, пищи или места в иерархии.

Взметнулся пущенный сильной рукой камень, и один из воинов – хозяев этой лощины – с диким воем покатился по траве. Поднялась и опустилась огромная дубина, больше похожая на вырванное с корнем дерево, и другой без звука упал навзничь с проломленным черепом, из которого вытекало в пыль серое вещество самого совершенного в мире мозга – кто-то из дерущихся тут же вляпался в него грязной мозолистой пяткой.

Их оружие было примитивно, но ярость уже бурлила и клочкотала в них. Они были людьми, и они пришли на эту землю, чтобы сеять и пожинать смерть.

Но первым человеком стал не тот примат, который разбил дубиной или камнем голову своему сородичу. Это могла сделать и обезьяна. Первым человеком стал тот, кто совершил это в составе организованной группы, распределив роли и продумав под своим еще очень низким лбом простенький план действий.

А может, человеком стал тот, кто убил и понял, что поступил плохо? Но все равно делал так вновь и вновь, потому что такое поведение сулило эволюционную выгоду и экономию энергии, находясь во власти страшного дуализма, разорванности надвое. Так вместе с разумом родилось зло, которого не было ни во вселенной косной материи, ни в царстве бессловесных тварей.

Казалось, бой будет продолжаться бесконечно, но вот одно племя начало медленно отступать под натиском превосходящих сил. Они не были слабее телом и духом, но их брали числом.

Они попытались прорваться к реке, но их окружили со всех сторон с намерением истребить до последнего. Положение казалось безвыходным, но они не собирались сдаваться. Да и не могли – ценой поражения была гибель, а призом, который получает победитель, являлась жизнь. Оба племени это интуитивно понимали, поэтому дрались насмерть.

Упавшие хватали дерущихся за ноги, впивались, как волки, в лодыжки и пытались повалить на землю. Трещали кости, рвались жилы и мышцы. Сбившись в одну массу дерущейся плоти, странные существа рычали и вопили так, что травоядные удирали прочь от этого места на расстояние дневного перехода. Хищники наострили уши и тоже удалились на безопасное расстояние. Только гиены и волки втянули носами воздух и подошли чуть ближе, несколько рогатых воронов с черно-красным оперением вспорхнули на ветку развесистой акации, да где-то в вышине среди низких облаков промелькнула точка: это нес свой дневной дозор стервятник. Сегодня у них будет пир. Но не раньше, чем эти непонятные двуногие отойдут подальше от вкусной добычи из мяса и крови.

Битва между тем продолжалась. С глухим стуком и мокрым хлопаньем обрушивались на головы дубины, врезались в квадратные челюсти костлявые кулаки. Но уже становилось понятно, что перевес – на стороне пришельцев.

Захватчики и обороняющиеся настолько похожи, что их и не отличить – это был один подвид гоминидов. Понятия «язык» в эпоху первобытной лингвистической непрерывности еще не было, на жесты и мимику приходилось больше половины информации, которую гоминиды могли передавать. Но так как они приходились друг другу кровными родственниками, происходя от общего прапрапрадеда, жившего с десятков поколений назад, их уханье и взреывание имело много общих черт. Хотя даже частей речи еще не было.

«Ух!», «Эх!», «Ха!», «Г-р-р-р!» – с такими звуками шла битва.

И вот уже то один, то другой из обороняющейся стаи падал, чтобы больше не подняться, а на немногих воинов, которые пытались отбиться, встав спиной к каменистой осыпи на берегу реки, навалились скопом. Вскоре над толпой были воздеты руки с их окровавленными головами – безглазыми, расплюснутыми, с отгрызенными в порыве ярости ушами и носами.

Битва закончилась. Как только триумфаторы перевели дух, поле брани превратилось в пиршественный стол. Измученные бескормицей победители без стеснения ели побежденных. Они были чисты и наивны, как дети, и еще не осознали радости убийства ради убийства. Но у них настали трудные времена в последние два месяца (слова «месяц» они тоже не знали, хотя движение луны по небу их иногда занимало), потому что племя неумеренно разрослось и истребило или распугало всю добычу в окрестностях. От скученности на стойбище, где они прожили почти полгода, начались болезни, люди начали слабеть и умирать. А тут еще и страшная засуха случилась.

Причинно-следственной связи между гниющими отбросами и нечистотами, над которыми жужжали мухи, и начавшимся мором, они не могли видеть. Но когда умерло десятка два взрослых особей, безотчетный страх заставил остальных покинуть стойбище и пойти искать новое. На удобной излучине реки в пяти десятках километров к югу место было, к несчастью, занято. Можно было идти дальше, можно было удалиться от живительной реки, но они, хоть и не знали чисел, поняли, что их больше, чем живущих в этой роще гоминидов. Поэтому с ходу, не тратя время на политесы, вступили в бой, подбирая камни и выламывая дубинки прямо на ходу.

Не имея еще каменных топоров и костяных пил, победители рвали сырую плоть острыми ногтями и зубами. Трапеза продолжалась весь день. Своих женщин пустили к добыче только под вечер. Те оставили немного мяса и детям, пожевав его для тех, кто не имел своих достаточно прочных постоянных зубов.

Чуть поодаль жались молодые самки побежденного племени – детенышей и старух уже убили, но им сохранили жизнь. В нелегкий год племя пришельцев потеряло почти всех женщин, поэтому уставшие после боя самцы, не имея ни малейшего понятия о задачах демографии, чувствовали чисто инстинктивную потребность оставить чужих самок в живых. Те вскоре сами про все забудут и станут как ни в чем не бывало спариваться с победителями, так же, как это сделала бы львица, самка лисы или песца.

Молодых самок тоже можно было убить и съесть – на том отрезке палеолита, когда проточеловеческие семьи из одного самца и нескольких самок уже уступили место более крупным родовым группам, устоявшимся моральных норм и табу не было. Но пока их решили оставить, а вскоре о «чужеродности» этих женщин забудут – даже пахнуть они будут, как «свои». Вряд ли кто-то из героев этой битвы смог бы вспомнить события, имевшие место месяц назад, до этого уровня неокортекс¹ у них еще не развился.

Этих женщин признали бы пригодными для спаривания, даже если бы они принадлежали к немного другому виду гоминидов. Такие тонкости брутальных обитателей саванны мало заботили.

Самки не были коллективной собственностью, поэтому после нескольких драк были быстро распределены среди самых сильных и свирепых. Природа, безусловно, одобряла такой выбор. Если будет много пищи, то всех родившихся после таких союзов детей можно прокормить. А если не будет... их всегда можно съесть или выбросить.

Как и для их животных предков, конформизм и агрессивность были двумя краеугольными камнями успешности выживания этих существ. Но уже среди них и их потомков будут

¹ Неокортекс (Новая кора, изокортекс; лат. neocortex) – новые области коры головного мозга, которые у низших млекопитающих только намечены, а у человека составляют основную часть коры.

то и дело появляться те, кто не захочет идти проторенными тропами. Кто попытается поймать голыми руками живого волка или принести в пещеру на палке огонь с подожженного молнией дерева.

Никто не узнает, сколько из них погибнет от этих действий, а сколько будет убито или изгнано своими сородичами от греха подальше. Но именно они поведут человечество по пути, который, как мы знаем теперь, закончится сокрушительным падением – обратно в прах.

Из пещер – к звездам. И обратно в пещеры.

Но не их это вина. А тех, в ком голос инстинктов палеолита будет и через многие сотни тысяч лет сильнее голоса разума.

На следующий день после боя победители лежали на траве, гладили себя по полным животам и лакомились костным мозгом. Светило солнце, благословляя на новые свершения человеческий разум...

Пройдет много лет, и один из дальних потомков тех, кто победил в битве на этой реке напишет, что уже самый факт происхождения человека из животного царства обуславливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному, и, следовательно, речь может идти только... о различной степени животности или человечности».

Высокий седой старик отложил книгу, оторвавшись от чтения зарисовки, которую он поместил во вступление. Пожелтевшие листы, покрытые мелким машинописным текстом, зашелестели под узловатыми пальцами. На мгновение он попытался поднять книгу и поднести ближе к глазам, но тут же поплатился за это – тяжелый том выпал из рук и упал на пол с глухим стуком. Старик наклонился, преодолевая боль в затекшей спине, поднял его и положил на стол.

Слабость в верхних конечностях, ломота в нижних, да и с позвоночником не все в порядке... Расплата за долгие годы на пути испытаний, хотя почти все, кого он знал, сошли с дистанции гораздо раньше. В прежнем мире он был бы давно на пенсии. Конечно, если бы правительство не подняло пенсионный возраст...

Он еще раз перелистал все от первой до последней страницы. «Вот так и жизнь прошла», – подумалось ему. И мысль эта заставила его поморщиться, хотя он и смирился с ней уже давно.

За деревянной рамой наступало утро. Штора была отдернута, и Александр Данилов видел, как вдали выступают из тумана силуэты полуразрушенных домов.

Он просидел всю ночь, перечитывая труд своей жизни. Да, получилось не то, что он хотел. Он хотел написать учебник, а получилась притча, сотканная из миниатюр. Рассказ об идущем сквозь века Человеке-творце и разрушителе.

Труд был почти готов, осталось только подставить имя автора на титульном листе.

«А. Данилов».

Иногда вспоминалось, что вроде бы он Александр Сергеевич. Но его не очень часто кто-то звал по имени и отчеству. Во-первых, их жизнь была слишком примитивной для такого церемонного обращения. А во-вторых, несмотря на всю свою довоенную ученость, он был человеком простым в общении и никогда не напускал на себя важности. Сам себя он в здравом уме никогда не стал бы называть «Сергеичем». Для него это было бы лишним напоминанием о возрасте.

«Нет уж лучше Александр Данилов-старший. Почти как Дюма-отец или Рони-старший. Тот тоже писал про первобытных дикарей²».

Потому что теперь был еще один Саша Данилов, можно перепутать. И эта мысль заставила его улыбнуться, вернула толику оптимизма.

² Рони-старший, Жозеф Анри (настоящее имя – Жозеф Анри Онорэ Бозкс (1856-1940) – французский писатель бельгийского происхождения. Автор романов о доисторическом прошлом человечества.

Жизнь продолжалась. Несмотря на Войну и те отметины, которые она оставила, несмотря на исчезновение большинства вещей и понятий, которые в детстве казались незыблемыми. Рождались и выросли дети, собирались урожаи, устраивался быт.

Но... как же это все хрупко!

Чтение собственных записок о войнах минувшей эпохи заставило его подумать о том, что их десятилетия мира и унылого тихого прозябания – не более чем случайная флуктуация. И что вокруг, за пределами их мирка, жизнь могла протекать совсем иначе.

А когда из-за старой обогатительной фабрики взлетела стая ворон, старый Александр Данилов и вовсе помрачнел. Более дурного знака трудно представить, сказала бы Алиса.

Часть 1

Между Волгой и Доном

Россия – это ледяная пустыня, по которой бродит лихой человек с топором.

К.П. Победоносцев

Если кто голову человека, которую его враг посадил на кол, осмелится снять без позволения судьбы или того, кто ее посадил на кол, присуждается к уплате

15 солидов.

Из «Салической правды»³

Интермедия 1. Муравейник

Вечером всех уцелевших согнали на площадь. Это была даже не площадь, а гладкая земляная площадку, когда-то давно засыпанная гравием и разровненная бульдозерами. С тех пор пять десятков лет ее утаптывали ноги жителей города. Тут проводились торги и стояли несколько палаток. Здесь же казнили преступников и делали важные объявления авторитетные люди. Здесь же продавали в пользование человеческий товар – и на одну ночь, и навсегда. С этим тут было просто.

А теперь прежние обитатели города, который местные звали Муравейником, стояли сами как невольники – избитые, замордованные и трясущиеся от страха. А вокруг носились на конях и палили вверх из карабинов, оглашая воздух гортанными криками, вчерашние молчаливые пастухи в лохматых овечьих шапках. Те, что пришли в городок на Волге, чтобы дешево продать табун таких нужных в хозяйстве лошадей. А ночью вдруг оказалось, что у всех у них есть оружие. Следом прикатила целая орда на колесах и взяла поселок при железнодорожной станции малой кровью. Малой со своей стороны.

Сейчас коневоды вели себя совсем иначе. Вот один налетел как коршун, ударом плети рассек лицо пожилому мужику, пытавшемуся закрыть собой светловолосую девушку лет шестнадцати, а ее подхватил за подмышки и перекинул через круп лошади, как куль с мукой. Та даже не пикнула, только ногами задргала. Подлетели и другие всадники, хватая на скаку то одну девку, то другую, от души прохаживаясь по спинам мужчин кнутами из сыромятной кожи.

Вскоре подошли и пешие – бойцы в зеленом и сером камуфляже, потрепанном и зала-танном. Пришли разбирать живую добычу, которую так ждали. Переругиваясь с пастухами, потащили прочь женщин чуть постарше, но тоже неплохих, мясистых. Городок был сытый, богатый... по нынешним временам. Но женщин, как и детей, тут было мало. Раз в пять меньше, чем взрослых мужчин. Обычная пропорция для места, куда люди свободно приходят и уходят.

В километре чернела огромная река, уже освободившаяся ото льда, но все еще чудовищно холодная, полная нарастающих льдин. Берег был отвесным, и пятерых человек завоеватели, просто развлекаясь, столкнули вниз со склона. Те были еще живы, когда бултыхнулись в воду у самого берега.

Вдали застыл севший на мель контейнеровоз, словно мертвый Левиафан или Ноев ковчег, нашедший свою сушу. Опора моста, которую он когда-то протаранил, рассекла его носом.

³ Салическая правда» («Салический закон») – памятник обычного права салических франков, время ее записи и редактирования – VI–IX века.

вую часть, как нож, и остановила движение огромной туши, ослепленной ударом атомной вспышки. Мост тогда устоял, но за эти годы наполовину обрушился. На последнем целом пролете с левого берега у самого края огромная фура свесилась вниз, словно передумав в последний момент и удержавшись от задуманного самоубийства.

Чуть подальше к северу на горизонте видны были новостройки Саратова, похожие на гнилые поломанные зубы.

Светило солнце, хотя и собиралось уже спрятаться за холмами.

Тех, кто пытался сопротивляться, и просто мужчин, попавших под руку, плотно набили в белый вагон-рефрижератор.

Теперь те бойцы из штурмовых отрядов, кому женщин и добычи не досталось, разбились на две команды. Бойцы стреляли по очереди из автоматов по тонким стенкам, держа стволы чуть вниз и прислушиваясь к воплям внутри. После каждого выстрела самые молодые шли выволакивать тела за ноги и складывать в кучу. Обе кучи были примерно одинаковые. Из-под дверей вагона натекла лужа крови, и темная неровная дорожка осталась в грязи там, где тащили трупы. Каждый выстрел сопровождался хохотом и глумливыми комментариями. Специально отобранные люди из старших следили, чтоб никто не жульничал. Стреляли одиночными. Играли не на добычу, а на интерес. В другие дни пленных, бывало, разрывали с помощью БМП, но обе машины еще с зимы стояли в ремонтных боксах.

Тощий боец в вязаной шапке, из-под которой торчали слипшиеся волосы, снимал всё на облупившийся смартфон с треснутым стеклом, в котором работала только камера и мобильные игры. На шее у него болтались два амулета на цепочках из тусклого серебра – один из автоматной гильзы с высверленными дырочками, второй – эмалированный значок с изображением атома. «Ликвидатору... на Чернобыльской АЭС» – можно было разобрать слова.

Неподалеку в старом пассажирском вагоне сбились в кучку дети от года до десяти. Они уже даже не плакали, а молча тряслись. Каждый выстрел заставлял их пригibasъ все ниже к полу. Только двое или трое то и дело украдкой поднимались, выглядывая из окон.

По бревенчатым домам и утепленным жилым вагонам ходили вразвалочку автоматчики в расстегнутых бушлатах, потные и раскрасневшиеся. Они практиковали древнее, как сама цивилизация, искусство грабежа побежденного города. Из распахнутых окон летели вещи, стоял звон бьющегося стекла и треск разрываемой материи. И хотя отряды поделили между собой концы беспорядочно застроенного поселения, там и сям то и дело вспыхивали ссоры, мелькали кулаки. Но до стрельбы не доходило.

Кто-то уже нашел цистерну с этиловым спиртом и уже подсоединил к сливному прибору – самодельному крану на боку – резиновый шланг. Це-два-аш-пять-о-аш полилось из кое-как прикрепленной трубки прямо в ведерки и канистры. Брызги летели во все стороны. А кто-то удовлетворился малым, найдя в одном из домов бутылку самогона или того же «чистого».

Несколько человек, важных и дородных, одетых в форму довоенных офицеров, с разноцветными пестрыми нашивками, не участвовали в гульбище, а смотрели на него со снисходительными усмешками, стоя на возвышении – площадке у будки регулировщика.

Внезапно по всему войску будто прошел электрический ток. Вооруженные люди побросали свои занятия и застыли, повернув головы в одну сторону.

Там с юга по старой асфальтированной дороге приближался автомобиль с непропорционально большими колесами. Верх его сверкал черным лаком, низ был заляпан грязью, бампер украшен шипами, на крыше стоял двойной прожектор.

Он затормозил возле бетонного перрона, где когда-то останавливались проходящие на эту сортировочную станцию пассажирские поезда. Дверца распахнулась, и верзила, сидевший на водительском сиденье, побежал открывать заднюю дверь.

Человек в черном кашемировом пальто и начищенных ботинках с помощью водителя сошел на землю. На вид ему около сорока, лицо гладко выбрито. Он был среднего роста и обыч-

ного телосложения. Если бы не щегольской наряд и непривычно (для новой эпохи) холеное лицо, внешность его была бы неприметной и не запоминающейся. Уже посеребренные сединой волосы коротко подстрижены, но даже такая стрижка не могла скрыть неровные залысины – какие бывают не от старости, а от перенесенной болезни. На нем были чуть затемненные дымчатые очки, будто глаза его не выносили яркого солнца.

Но под его взглядом шестерым стоящим в карауле бойцам, которые вышли встречать приехавших, сразу стало неудобно.

Все они были одеты в бронежилеты от комплекта «Ратник» и вооружены «калашами» той серии, где вместо деревянных частей использован черный полиамид. Их можно было принять за солдат прежней армии, если бы не сизая щетина, грязные, давно не мытые шеи да защитные амулеты на этих шеях. Впрочем, у двоих амулетов не было, вместо них были нашиты на рукава значки-обереги.

Чуть прихрамывая, с чересчур прямой спиной и высоко поднятой головой, гость прошел вдоль ряда застывших как истуканы стражников, коротко кивнув им. Навстречу ему уже спешил плотный, уса́тый человек в темно-зеленой куртке, камуфляжный рисунок которой напоминал переплетенные листья, и в кепке такой же окраски. И если наряд первого сиял, то этот – весь припорошен пылью. Несмотря на прохладный апрельский день, лицо его было потным.

Вместе они поднялись на смотровую площадку и встали, опершись об перила. Позади них застыли два командира отрядов.

– Ну, с победой тебя, дорогой друг, – произнес человек в пальто, с возвышения озирая окрестности и вдыхая воздух, пахнувший гарью, бензином и порохом.

– Мрази это заслужили. Но мы не ждали вас так рано.

– Я вижу. Что-то ты слишком отпустил удила. Да, я разрешил отметить... Но погуляли и хватит! Чтоб через час был порядок. Казните осужденных... как обычно.

– Будет сделано... – круглолицый в камуфляжной куртке осекся, словно хотел произнести имя, но вовремя остановился. – Так точно, товарищ Уполномоченный!

Адъютант в лисьем малахае сразу побежал доводить приказ. Забухали тяжелые сапожищи по лесенке.

– А что делать с городом?

– Каким еще городом? – переспросил человек в пальто, приподняв очки. – Ты этот крысиный угол так назвал, Генерал? Спалить и сравнять с землей. Я хочу, чтоб этот гадюшник был напоминанием, что бывает... за наглость. Этим мы много жизней сэкономим, увидишь.

– Слушаюсь. А с пленными... Ваше превосходительство?

– Женщин... симпатичных – бойцам. Ну не отбирать же у них?.. – улыбка того, кого назвали «Ваше превосходительство», стала глумливо-понимающей. – Пусть выпустят пар. Разрешаю взять их в наш лагерь. А после, как надоедят – в мастерские! Страшных и старых – сразу в мастерские. К осени надо много одежды починить. Тех, кто ни к чему не годен... выкиньте на трассе подальше отсюда. Мужиков – в дорожные бригады. Я видел тут недалеко гравийный карьер. Пусть крупные ямы закапывают. На трассе отсюда до Сызрани не проехать! Детей и совсем дряхлых – оставьте тут. Нам они без надобности. Ну а что делать с вещами, ты знаешь сам. Все, что горит и что мы не можем увезти за один прием – спалить. Сейчас, как только мы отведем, придут деревенские. Они уже свою долю получили. Мародерствовать тут им будет слишком жирно. А держать здесь караул я не буду. У меня сейчас каждый человек на счету.

Вскоре, фырча и изрыгая дым, подъехал бортовой КамАЗ – грязное чудовище, которое, как и все дожившие до этой поры машины, собрали из десятка погибших собратьев. Людей из рефрижератора, многие из которых зажимали окровавленные раны, вывели и погрузили в него, крепко связав им руки. Некоторых пришлось швырять.

На лицах их на секунду мелькнула надежда. Но только на секунду, потому что им тут же начали надевать петли на шеи.

Между двумя столбами уже был натянут на высоте в три метра стальной трос. Кто-то из пленных запричитал, один завыл в голос, но остальные молча смотрели на эти приготовления, лишь тихо перешептываясь. Люди от природы склонны до последнего думать, что какое-нибудь чудо или чья-то милость спасет их.

Но не в этот раз. Человек в пальто махнул рукой, водитель нажал на газ – мотора он не глушил – и со всей скоростью, на которую был способен, грузовик рванулся вперед. Пленные повисли над пустотой как связка чеснока или лука. Почти все из них умерли сразу от того, что хрустнули их шеи, но несколько еще подергались, пуча глаза и хрипя.

Тех из вагона, кто не мог идти, добили на месте выстрелами в упор, а одному просто проломили череп прикладом. А женщин тем временем уже загоняли в несколько грузовиков с тентами, не жалея ударов плетью. Над площадью стояли плач, брань и дикие крики.

– Так-то лучше, – произнес человек в пальто, взглянув на часы. – Теперь ведите «отцов города». Всех местных начальников. Повесьте их еще выше, на ЛЭП, чтоб оттуда смотрели!

Генерал кинулся давать распоряжения, а тот, кого называли «Превосходительство» повернулся к толпе остальных жителей, сжавшихся в кольцо боевиков, словно овцы под охраной волков, и громко произнес:

– Вот к чему привела ваша жадность! Вы расстроили меня, вашего благодарителя и защитника! Молчите? Стыдно? Теперь будете работать. И может, мы простим... Бойцы!! – он повернулся к рваному строю, вооруженному «калашами», винтовками и карабинами СКС. – У вас еще час! После этого уходим. Всю добычу, какую сможете увезти, можете взять с собой!

Дружный радостный рев был ему ответом.

Коротко кивнув и получив разрешение идти, два мордатых командира побежали к своим отрядам.

Тем временем один из бойцов с туловищем как пивной бочонок, в черной лохматой шапке и с такой же бородой, уже успевший принять на грудь, заметил, что старик, чье лицо было рассечено ударом наискось, закрывает одеялом прижавшуюся к стене вагона девочку.

– А это ты кого прячешь? – дыша винным перегаром, он подлетел к деду. – Девку? Даже двух?! А ну покажи! Убери одеяло, а то зарублю! – в его руках появился нож с широким зазубренным лезвием.

С выражением обреченности в глазах старик повиновался.

Одеяло упало на землю. Какое-то мгновение взгляд здоровяка в шапке не мог сфокусироваться на странном силуэте, у которого явно чего-то не хватало. То ли рук, то ли ног... Для двух людей... А когда понял, то отскочил, крестясь и отплевываясь.

– Нечистая сила! Уродка... Сжечь ее надо.

– Да ладно тебе, Чингиз, – усмехнулся за его спиной боец в вязаной шапке по кличке Фотограф, снимая редкий экземпляр на свой «Ipod». – Была б она... они постарше, взял бы обеих. А так они еще зеленые. Оставь, один хер она долго не протянет, скопытится. Ты гляди, как смотрят! Того и гляди за палец тянут... Пошли отсюда. А то у меня аппетит на жратву и нормальных баб пропадет.

Внутри салон просторного полноприводного джипа, поставленного на шасси от ГАЗ-66, был обшит скрипучей кожей, прибитой золочеными гвоздями. Накладкой на кресла служил театральный гобелен. Стекла были тонированы.

Отпустив телохранителя и шофера и оставшись наедине, двое вождей перешли на более неформальный разговор.

– Ну как тебе, Михалыч? Я был крут? – спросил человек с колючим взглядом у одетого в военную форму.

– Как всегда, Виктор, – ответил его визави. Хотя он и держался вольнее, но все равно было ясно, кто из них главный. – Как всегда. Ты просто натуральный темный властелин.

– Не завидуешь? Не думаешь, что у тебя получилось бы лучше? Все-таки это ты смотрел кино про таких деятелей. На большой «плазме». На хате мэра, которого твой батя грохнул. Смотрел и тушенку из банки лопал. А я в это время... – тот, кого называли Виктор, кашлянул и поморщился, – ловил рыбу из-под льда на собственное живое мясо. А еще рылся в шлаке, чтоб спекшуюся карамельку найти. И подстреленному голубю радовался, как чуду. И жратву отбирал у тех, кто послабже.

На нем теперь был черный кожаный пиджак, очки он снял. Тускло-серые глаза были такими колючим и пронзительными, что казались маленькими льдинками. В них всегда, даже сейчас, читались угроза и вызов.

– Да какая зависть? Такую ношу на себе несешь. Никто не сделал бы этого лучше.

– Вот-вот. Да знали бы они, – человек в пиджаке указал куда-то за окно, – что я не для себя стараюсь... а для них. Мне лично хватило бы десяти поселков, чтоб кормиться. А все остальное – ради будущего... Вот видишь, Мишаня. Твой папа был комендантом города. Ты на большом корабле плавал, на греческом острове бывал. А мой батя был вором и бродягой. Я его в глаза не видал. И всего добился сам. А ты – благодаря мне. Просто помни об этом.

«Помни об этом, если что-то задумаешь», – прозвучало в его словах.

– Да что ты себе в голову вбил, друг? Я за тебя жизнь положу. Как и любой здесь. Давай накатим, мы тут у них такой винный погреб захватили.

– Черт с тобой. Наливай. Дела маленько подождут. Что это там за фура стоит у ворот? С черепами на капоте.

– Захватили как трофей. Раньше какому-то клубу мотоциклистов принадлежала, по спецзаказу, говорят, сделана. Движок – зверь. Заберешь?

– Отдай Марату. Мне под штабную не подойдет, а он пусть броню навесит и ездит.

Они выпили вина и коньяка, заев вяленным мясом ягненка и свежим ноздреватым хлебом. В широкий и длинный салон вмещался даже столик.

После этого человек в пиджаке снял пиджак и развалился на заднем сиденье, расстегнув воротник белой рубашки.

– Я посплю часов шесть. Заботы о вас меня утомили. Ты сказал Нигматуллину, чтоб он принял командование? Зер гуд. Садись за руль и гони домой. Скажи там Шонхору приготовить утку с травами. Ту, которую его пацаны подстрелили на болотах. Только женам моим не отдавай. Глупые бабы могут испортить все на свете, даже ощипать нормально не сумеют. Маникюрт у них на руках, епта...

Через минуту он уже храпел, а тот, кого называли Генерал, осторожно вывел джип на раздолбанную за пятьдесят лет разрухи дорогу. За ним поехали УАЗ сопровождения и пикап с пулеметом ДШК на треноге. У этих автомобилей с глушителями было все в порядке, и они не ревели, как почти все остальные в войске.

Через час вся вооруженная ватага в семьсот человек уже расселась по машинам. Огромные грузовики, почти каждый из которых был увенчан пулеметом, на ходу строились в колонну. Пленных мужиков конники кнутами погнали пешком на юг, к карьере. Из хрипящих колонок, прикрученных к крыше одного из микроавтобусов, ударил марш композитора Любэ.

А там, где когда-то стоял многолюдный город из вагонов и деревянных срубов, все стало пусто и мертво. Ветер гонял по переулкам между руинами и пепелищами обрывки ткани и бумаги. Выбравшись из плацкартного вагона, плакали в голос дети. Стояли, держась за стены, или шатались от ветра полумертвые от побоев старики.

Над землей стелился черный дым. На железной ферме столба был распят труп с примотанной цепью табличкой. Можно было разглядеть буквы: «Так будет с каждым».

За одним из пикапов, замыкавших строй, метров сто волочился по земле привязанный канатом человек. Но потом веревка зацепилась за какую-то неровность дороги, и произведенная в Японии машина чуть не улетела в кювет. Потирая красное от удара ухо, выскочил води-

тель в каракулевой шапке, обрезал ножом веревку. На изломанное тело раба он даже не взглянул, и пикап с пулеметом умчался прочь, догонять уходящую автоколонну.

Когда люди отъехали достаточно далеко, на место резни начали слетаться первые вороны.

Они гнездились в Саратове – на деревьях, предпочитая мертвые и высохшие, дуплистые. Многие гнезда были высокотехнологичными – с каркасом из проволоки, пластика, изнутри выложенные поролоном, тканью или стекловатой. Уж кто-кто, а эти птицы умели пользоваться тем, что осталось от цивилизации.

Вороны носятся в небе, и в их движении виден свой порядок. Они похожи на закручивающуюся спираль смерча. Целая маленькая туча ворон. Они следовали за армией Защитника и Благодарителя и умели отличать людей, которые обеспечивали их пищей. Даже знали в лицо отдельных командиров, чей труд давал им больше всего еды. В их маленьких умных глазках было понимание многих вещей, о которых даже не все двуногие догадывались.

Они умели отличать одних людей от других, опасных – от неопасных. И пока эти люди, у которых продолжением рук служат длинные стреляющие палки, не ушли, они не притронулись к добыче. А вот тех, кто остался – слабых и пахнущих кровью, вороны не боялись. Это не враги, а будущее мясо.

Одичавшие собаки подросли, когда самые вкусные части уже были съедены. Но и собаки пировали недолго – их прогнали более сильные и крупные волки.

Приближалась ночь.

Несколько туч набежали, но так и улетели прочь, не пролив ни капли дождя. Они не могли закрыть солнца, которое продолжало смотреть с неба, хоть один край его уже опустился за холмами. Вечное и неизменное... на человеческий мимолетный взгляд. Сколько оно всего видело и не краснело.

И не покраснеет, пока не придет ему черед умирать.

Глава 1. Окурок

Они пришли с юго-востока. Свалились внезапно, как снег на голову, застав врасплох и деревню Калачевку, и пять соседних с ней сел и деревень, и господствовавшего над ними Михаила Давидовича Гогоберидзе, старшего сына держателя контрольного пакета акций крупной розничной сети с отделениями в ста двадцати городах России. А ныне – просто мелкого сельского феодала с армией в двести человек, с тремя танками и пятью БМП. Правда, все боевые машины были с неисправной ходовой частью и имели давно севшие аккумуляторы, но об этом мало кто знал.

Еще вечером прошлого дня люди Михаила Давидовича, которого за глаза звали просто Гога, приезжали в Калачевку на двух УАЗах и пулеметном пикапе. Пугали, угрожали, что всех расстреляют, если найдут хоть одного лазутчика.

Когда-то они носили черную форму довоенного *чона*, который охранял «Магнат», но та давно истрепалась (как расшифровывается «ЧОП» почти никто уже не помнил, и люди считали это обычным словом). Теперь архаровцы были одеты в разномастный камуфляж и так же разнообразно были вооружены.

Они стреляли в воздух, стучали прикладами в двери, матерились, проверяли сараи и пустые коровники, ходили с фонарями по заброшенным избам, вламывались и в жилые – не обращая внимания на живущих там людей. Избивали тех, кто хоть взглядом выражал свое негодование – но не до увечий. Что-то их удерживало.

Обошлось без убийств. Калачевцы знали, что с этими ребятами шутки плохи, поэтому молчали, терпели, даже кровь утирать сразу не торопились, чтоб еще не добавили.

Но те ничего не нашли и уехали восвояси, наказав всем местным сидеть по домам. С собой никого не забрали и оружия не дали. Даже у цепных псов Гоги хватало ума понять, против кого это оружие будет при случае повернуто. Зато на три дня они от щедрот своего хозяина освободили калачевцев от обязательной барщины. И это немного подняло людям настроение.

Поскольку сезон сельхозработ закончился, а новый еще не начался, барщину местные отработывали тем, что несли из бывшего областного центра полезные вещички. По сути своей это был скорее оброк, но Гога или его завхоз по кличке Бобер, он же выслужившийся из местных Эдик Бобриков, который отвечал за прием, оценку и хранение ценностей, таких тонкостей не знали. Называлось это «ходить на Сталинград».

Все у людей Гогоберидзе было, по их словам, под контролем, но калачевцев не провести – они видели неуверенность на лицах, граничащую со страхом. А у одного здорового быка увидели на руке свежую повязку, пропитанную кровью. И вряд ли он порезался, когда брился. А многих заметных головорезов не доставало, хотя они обычно всегда участвовали в таких рейдах. Все это могло означать только одно. Трон старого аллигатора зашатался. На силу нашлась другая сила, и в беспросветной тьме, в которой они жили последние несчетные годы, забрезжил для них луч надежды.

Земля наполнилась слухами о приближении чего-то неведомого. Их источником в Калачевке была бабушка Стеша.

Мало кто знал, что когда-то бездну времени назад ее звали не Степанида, а Стефания. И хотя имя ей дали родители не в честь автора книги про гламурных вампиров, оно до определенного времени определяло ее судьбу. Стефа удачно вышла замуж, сдав в долгосрочный лизинг свое тело, тогда еще не дряблкое, а упругое, взамен получив в свое распоряжение машину, деньги и поездки на теплые моря. Даже появление ребенка не разрушило эту идиллию, ведь тогда существовали няни.

Но энтропия мироздания беспощадна и крушит не только страны и народы, но и микроскоп отдельного человека. Этой слепой силе ничего не стоит за пятьдесят лет превратить

гламурную тусовщицу в шамкающую старуху с клюкой, в старом выцветшем платке и залатанном, проеденном молью пальтишке. Такую, над которыми она когда-то хихикала, брезгливо зажимая нос. И вместо фоток в Инстаграм, спа-салонов и ночных клубов теперь в ее жизни было ковыряние в земле скрюченными от артрита руками.

Но настоящим источником слухов был ее сын-бродяга. Это был маленький мужичок по прозвищу Окуроч, низкорослый и кривоногий, как почти все дети войны, хотя и с мощным торсом. Рано облысевший, курносый и с вечно красным лицом любителя заложить за воротник.

Полжизни он пробыл охотником и собирателем. Ходил, несмотря на свои короткие ноги, далеко, и даже не уставал. Потом Гога взял его к себе охранником. Но не задалась работа. То ли случайно, то ли по подставе несколько пальцев оторвало бракованным боеприпасом. После этого он работал истопником в усадьбе. Но с месяц назад вылетел оттуда. Чем провинился, никто не знал, но отделали его пыточных дел мастера из ЧОПа от души, располосовав все лицо кнутом. Запороли бы насмерть, но удалось Окурочу сбежать через окно господского дворца. И с тех пор прятался он в развалинах Сталинграда, занимаясь собирательством и охотясь на мелкую живность – в основном капканами и силками.

Раз в неделю на встречу к нему ходила мать-старушка. Она носила сыну припасенный хлеб, а он отдавал ей что-нибудь из дичи. В областном центре теперь не только собак, но и зайцев можно встретить. Там уже некоторые улицы заросли настоящим лесом – ногу сломишь. Хотя крупная дичь не встречалась. Мог бы Окуроч и далеко в мертвые земли убежать, там добыча еще обильнее, но родственные чувства держали.

Пока работал в господском доме, многого насмотрелся и наслушался и обо всем мамке рассказывал, а уж она – соседям. Будто бы прикатила с юга новая сила. Не то банда, не то армия, не то целый народ! На машинах, с пулеметами, гранатометами. Даже с танками, исправными, ревушими и лязгающими гусеницами, хотя в это мало кто верил.

И будто бы лидер их, по имени Виктор и по фамилии Иванов, открыто предложил Гоге подчиниться ему, разоружить своих бойцов и остаться «на хозяйстве» уже в качестве Мера. И будто бы этот Иванов кем-то на такую деятельность уполномочен. Поэтому и называет себя Уполномоченный.

Говорили, что старый Гогоберидзе позволил себе разговаривать с посланцами через губу. Мером он быть не хотел. «Вы, мол, никто, а за меня весь район встанет». И отправил их на три буквы, да еще его дуболомы постреляли вслед из пулемета.

Все знали, что старый грузин происходит из рода довоенных хозяйчиков. Впрочем, слово «грузин» уже начинало забываться, и пользовались им только старики. В этих краях высохших приволжских степей не было диаспор, кланов и прочего, и все люди более-менее перемешались за пятьдесят послевоенных лет. Слишком мало их тут было. Слово «русский» еще помнили, но калачевцы себя чаще называли просто калачевцами. Большая часть ЧОПовцев были из местных, здесь же выросших – только несколько пришли с юга, из пустошей.

Его отец владел сетью торговых центров, раскинувшейся по всей прежней стране, о размерах которой теперь даже не догадывались. Но что такое торговые центры, калачевцы и их соседи примерно знали. Это типа рынки, но цивилизнее – с «калашом» и в фуфайке, испачканной навозом или мазутом, не сходишь. Зато купить можно было много всего, чего теперь и в сладком сне не увидишь. И Купоны на скидки были, и Карточки, и Акции.

Это богатство помогло отцу Гоги – Давиду Автандиловичу – купить себе тихий уголок, спасательную шлюпку на период страшного шторма, последовавшего за обменом ударами между сверхдержавами в августе 2019 года. Ему повезло – маленькая частная армия сохранила верность, а не повесила его, чтоб жить по своим понятиям, как бывало частенько. Поэтому свою небольшую империю он сохранил, хоть и не расширил, и сыну, который вырос таким же пауком, передал.

Красивые это были центры. Старики, а точнее, старухи помнили. Стекла, витрины, огни. Вот только теперь для них у Гоги были не сладости и красивые одежки из тех витрин, а кожаный бич, которым раньше коров стегали, и фуфайки, в которых и поле копать, и по развалинам лазить.

Вроде и давно была война, а жисть все никак лучше не делалась. Почти всё, что худо-бедно вырастало, хозяин загребал себе подчистую. А им оставалось только ходить с потухшими взорами, терять зубы и волосы и хоронить по два-три ребенка с улицы каждый год. Те переносили болезни, вызванные недоеданием, хуже всего.

Словно утешая себя, калачевцы говорили, что подобные порядки теперь везде. То есть в тех краях, где люди нормальные были, а не людоеды. И не мертвяки. Вокруг же было гораздо больше мест, где вообще никто не жил.

Поэтому смысла бежать не было. Молодые, те верили уже в мертвецов не только лежащих, но и ходячих, и в собак размером с быка, которые живьем людей жрут, и в прочие небылицы. Другой жизни они не представляли. А у старых сил не было. И куда бежать семейным? Страшно за своих, и оставить, и брать в поход страшно. А одиночек в деревне почти не было, да и куда пойдешь один? Только сгинешь. По всему выходило, что судьба их – терпеть, и сколько ни проклинай ее, она от этого не изменится.

Гога, надо отдать ему должное, никого не убивал просто так. Драл, конечно, три шкуры, но не резал.

И вот тут вдруг в этой темноте забрезжил, засверкал луч надежды. А за надежду они готовы были на пулеметы идти и зубами глотки рвать.

Впрочем, такие мысли они держали при себе, и вырывались те наружу только спьяну, когда удавалось слить из цистерны или бочки и пронести под рубашкой в деревню пластиковую бутылку спирта. Тот, родимый, в отличие от бензина и дизтоплива, был вечен, как дьявол. Люди Гоги нещадно секли и избивали за один запах перегара – надо было все отдавать им, за это могли и заплатить черствым хлебом, а могли и на хрен послать. Но не все даже за хлеб были готовы отдавать напиток забвения. Им они не чирьи прижигали и не вшей морили. Это было единственное лекарство для души, от боли и безнадёги. Бывало, во хмелю, многие говорили: «Ну, все, идем, поднимем кровососа на вилы». Но когда винные пары развеивались, пропадала и храбрость. И побеждал здоровый цинизм. Сейчас он говорил: «Пусть на пулеметы лезет кто-то другой. А мы посмотрим, что будет».

Место, где стояла Калачевка, было хорошим: чистое, на возвышенности, и земля неплохая – не целик, до войны тут были поля крупного агрохозяйства. Для полива воду брали из ручья в низине или из колодцев, часть которых сами и вырыли. А что леса рядом нет, только степи вокруг – это не страшно. На дрова разбирали старые сараи и заборы. Другие деревни были расположены полукругом вокруг укрепленной резиденции Гоги, которую по какому-то выверту памяти называли то асиенда, то фазенда. Друг от друга отделенные пятью-шестью километрами и от дворца своего хозяина – примерно так же.

Недалеко от деревни стояла большая нефтебаза – бетонный забор, шлагбаум, пять или шесть корпусов из металла и кирпича да огромные баки высотой с четырехэтажный дом. До войны ей владели бары из фирмы «Лукойл». Все интересное и полезное из тех зданий вынесли давно, а сами баки были калачевцам без надобности – наоборот, внушали страх тем, что металл рано или поздно проржавеет и их содержимое отравит все вокруг. Но пока боженька миловал.

А вот уже чуть дальше к западу начинались места гиблые, топкие и комариные. Там раньше стоял город Калач-на-Дону, а теперь никто не жил. Там плескалось, покачивалось Море, в которое превратился разлившийся после разрушения плотин и весеннего таянья снегов Дон, проложивший себе кое-где новое русло. Это была западная, а заодно и южная граница их ареала, поскольку река огибала территорию никем не признанной «державы» Гоги.

Около этой зловонной маслянистой лужи не селились. На берегу, как мертвый кашалот, лежал теплоход – еще можно было прочесть половину букв названия вдоль его борта. А рядом, как останки тварей поменьше, лежали перевернутые и изломанные моторные катера, прогулочные лодки и катамараны. И кости в прибрежной грязи, бывало, тоже попадались.

Во время последнего рукотворного оледенения вода мирового океана активно превращалась в лед, и волны отступали, уровень морей и рек понизился. Потом с первой весны этот процесс немного замедлился и даже на время пошел вспять. Но прежней многоводная река и ее берега уже никогда не будут.

В самом узком месте эта протока была с километр шириной, хоть и не очень глубокой. Мостов не было. Если где-то и были – то далеко, черт их знает... Паромов тоже не было. Можно, конечно, сплавить на лодке, рискуя зацепиться днищем за корягу и перевернуться, но на той стороне было еще меньше интересного, чем здесь. Оттуда ни разу никто не приходил.

Все самое интересное лежало на востоке. Там находился Сталинград.

«Сталинград... это не просто город, Димка, – говаривал покойный дядя Сеня, один из хахалей его матери. – Это огромная агломерация по обоим сторонам реки, где раньше полтора миллиона человек жило – не тужило. И там стоко можно найти, за всю жисть не перетаскаешь».

Широко разлившуюся на востоке Волгу, разделявшую «агломерацию» на две части, они тоже называли Морем – иногда Черным, но чаще Мертвым, хотя она не была ни тем, ни другим, а была речкой, которая сама где-то на юге впадала в Каспийское море. Которое, если верить старушке-учителке (царствие небесное), было на самом деле гигантским озером! И как тут мозги не сломаешь?

Но так далеко на юг никто из них не забирался, а здесь в воде не то что рыб – даже лягушек не было. Только крупные, как кони, комары, жирные мухи и черные слепни. На востоке за Волгоградом-Сталинградом они, за редким исключением, тоже не бывали – его наполовину затопленные кварталы тянулись настолько далеко, что им этого пока хватало – старатели просеивали мусор уже лет пятьдесят, а все еще не обошли город весь.

Раньше он был не только источником полезных вещей, одежды и спирта. Когда-то найденные в развалинах жестяные банки были пригодны в пищу. Не сами жестянки, конечно – а закатанные в них консервы. Но это было давно. Теперь те консервы, пусть и после кипячения, даже если все еще выглядели как еда, были смертельно опасны. Это и с виду было ясно по их вздувшимся бокам.

На севере на три дня пути – ни одной души, степь да степь. На северо-западе, если будешь идти целый день и не заблудишься, найдешь владения таких же хозяев, как Гога. И они, конечно, не отдадут ему заблудшего холопа, но оставят себе. Или повесят на столбе: шутки ради или в назидание другим. Это называлось «кормушка для птиц».

Поздно вечером, когда все в селе уже должны были спать, надорвавшись за день на полях, мать встретила Окурка у высохшего колодца на самой околице. Опасливо озираясь – как бы кто не «спалил» их и не донес Гоге, а точнее, его безопаснику Паше Королёву, любителю рвать ногти клещами и бить по пальцам отбивалкой для мяса – тот присел на траву. Достал из нагрудного кармана пакетик, а из него сухой недокуренный «бычок» самокрутки. Прикурил от самодельной зажигалки и затянулся едким дымом. Он всегда носил с собой окурки, иногда до пяти штук, отсюда и прозвище.

– Ну, привет, мама, – мужик сел так, чтоб на нее не тянуло вонючим дымом.

Оперся было на подгнивший сруб колодца, но тот был не бетонный, мог и обвалиться. Отстранился. Яма была глубокая, а внизу от силы тридцать сантиметров черной жижи. Вода ушла отсюда давно.

Если кто-то глазастый придет подсматривать – отправится без шума вниз головой исследовать дно, решил для себя старатель.

По пути сюда он видел только стайку чумазных девчонок, игравших в старой кабине от КамАЗа. На одной двенадцатилетней пигалице в ситцевом платье был ободок со стразами и лента через плечо – «Мисс Вселенная». Явно ее бабушки работа. Но даже они его не заметили.

– Димочка, как хорошо, что ты пришел. Сегодня снова стреляли... – старушка обняла его, положив укрытую платком голову ему на плечо. Глаза ее были мокрыми от слез.

Мать была едва ли не единственным человеком, который звал его по имени. Все остальные обращались только по кличке. Но без пренебрежения. Покалеченной рукой он уже пользовался как здоровой, мог и отдубасить.

Как любой охотник, бродяга и старатель, которого кормили ноги, приборахлен Окурочек был неплохо: охотничьи сапоги, почти целый костюм «горка», за плечами – каркасный рюкзак, нож на поясе, винтарь за спиной, точнее, нарезная «Сайга». Уже за одно это Гогинцы волкодавы его бы отвалдохали до смерти – холопам позволялось иметь, точнее, пользоваться только гладкоствольным оружием или мелкашкой. Иначе кто бы к господскому столу дичь таскал? В случае чего против автоматов и пулеметных тачанок эти пукалки не помогли бы. Но нарезное, тем более магазинное, нельзя было иметь.

Еще как сюрприз для врагов за голенищем сапога был спрятан второй нож – сразу и метательный, и в-глаз-втыкательный.

Но Окурочек не был холопом. Раз он и так вне закона, прикидываться паинькой смысла не было. А хорошая пушка поможет в случае чего отправить нескольких обмудков в их сучий рай, если уж принесет нелегкая. Совсем недавно он выменял у Комара хороший колебаторный прицел к ней, работающий без батареек. Это важно, потому что батареек этих хрен найдешь, и в этом плане простая оптика надежнее, чем колебатор. Но колебатор удобнее.

Комар был не торговец-мешочник, которые иногда имеют неплохой гешефт, так что некоторые баре позавидуют, а такой же бродяга-старатель, как и сам Окурочек, заходивший иногда очень далеко в Сталинград, чуть ли не до самого пекла. Вроде как кореш. Но он долго не соглашался поменять это «стеклышко» на целую кучку добра, среди которого был и карманный дозиметр (у Окурочка завалился лишний). Под конец пришлось добавить сверху увесистую стопку журналов. Глаза у долговязого Комара сразу стали масляные: «Че ж сразу не сказал? Только давай без голых мужиков, одних баб. Можно даже в одежке, если ее маленько. Мне главное, Димон, чтоб всегда новые были... А то приедаются, хе-хе». Жил он в деревянном срубе у подножья Родины-Мамы, от которой одни ноги остались, лук-чеснок на кургане выращивал. Если совсем прижмет, мог и принять у себя на пару дней.

Мамка рассказала Окурочку, что четыре дня назад они в деревне слышали звуки боя со стороны фазенды и видели в небе отсветы пламени. Но тогда барин, похоже, отбил. А еще через два дня его архаровцы приехали в деревню, начали всех строить и кошмарить. Хотя вид у них был довольно бледный, и смотались они быстро. А когда одна раздолбанная «Тойота» не сразу завелась, ее даже бросить хотели.

И вот сегодня, сказала она, стрельба началась снова. Сперва вяло – потом часто-часто, как отбойным молотком. А час назад внезапно оборвалась. Окурочек пришел с востока, со стороны Сталинграда и поэтому был не в курсе. Асиенда хозяина находилась южнее, ближе к Морю. Но стреляли не только возле нее, а и на большом отдалении, то у железнодорожного полустанка, то у бывшего совхоза, как будто кто-то пытался охватить кого-то в клещи или догнать убегающего врага.

Поэтому все калачевцы сидели по домам и никто не собирался спать в эту ночь. Люди выжидали, кто победит – их прежний хозяин или чужаки. По этой же причине и Окурочку не стоило уходить – старушку же с собой не потащишь. К Комару разве что... Судя по рассказам о прежней жизни, журналами ее не напугаешь.

В том, что на Гогу наконец-то напали, не было ничего удивительного.

От матери Окурочка знал, что сразу после того, как «наши» с америкосами друг друга раздражили, началась зима-зима и стало темно как в заднице у одного из бывших президентов долбанной Пиндосии.

Тогда люди только тем и занимались, что грызли друг другу глотки за кусок хлеба. Или мяса.

Зима эта была такая, что даже сопли в носу и струя, если помочишься на улице, на лету замерзали. Эти морозы, если не врут, пережил от силы один из ста. Кого холод скосил, кого голод, кого люди добрые убили. И именно после этих катаклизмов на один дом, где живут, можно было найти сотню пустых. А если дом большой – во много этажей – то с гарантией никто в нем жить не будет и сам он будет стоять без окон и без крыши. А то и вообще одни стены или один подъезд из трех будут стоять.

Но тогда в самые холода и сразу после них, люди редко объединялись в большие группы. Больше были каждый за себя. Разве что те, кто и до войны был в кучке, вместе держались. Хорошо было тому, кто захватил какой-нибудь склад с добром и, главное, смог удержать. А которые не сумели захватить ничего, просто вымерли. Так прошла зима, длившаяся почти год.

Но когда она только закончилась и наступило первое лето, схватки вспыхнули с новой силой. Оказалось, что даже для тех немногих, кто уцелел – некоторых вещей осталось недостаточно, особенно еды. Но теперь одиночка или отдельная семья ничего не значили. Появились банды. Хотя сами они себя так не называли. Некоторые из них, как раньше, держали какой-нибудь объект и имели с этого свой навар (именно к числу таких принадлежал Гога и его соседи), но другие имели автотранспорт и колесили по дорогам не меньше, чем ранешние дальнотранспортники. Иногда они снимались ночью с насиженного места, чтобы поутру объявиться за пятьсот километров, беря с боем все, что было им нужно. И кто хотел защититься от таких бригад, тоже должен был держать ушки на макушке, а порох сухим. Ну, к тому времени все или оружие имели, или под чужой вооруженной «крышей» ходили.

Сталкиваясь между собой, такие моторизированные бандгруппы выясняли отношения, часто после этого в живых оставался только более зубастый... Те, кому меньше повезло, оставались гнить в придорожных лесах или прямо на дороге, даже не присыпанные землей. Так продолжалось примерно десять лет.

Время шло... С каждой зимой асфальтовые дороги становились все гаже, моторы и другое железо там, где за ними не ухаживали человеческие руки, приходили в негодность, горючего стало не достать. Многие пытались его делать – кипятить земляную нефть или слитые из бензобаков и цистерн остатки в самодельных бочках-«самоварах», а потом бодяжить разными примесями, чтоб повысить октановое число. Но мало у кого получалось. Моторы после такой диеты плевались и чихали, но не работали.

К тому же худо-бедно у людей пошло натуральное сельское хозяйство. И постепенно оседлая жизнь показала свои окончательные преимущества над кочевой. Вот Гога, хоть его и недолюбливали за гонор, был в авторитете как самый старый и владевший своей делянкой еще с довоенных времен.

Он и ему подобные держали теперь не склады с продуктами, а деревни с рабами (кто-то их звал холопами, смердами, шохами, шестерками, чушками). У которых не было никаких прав, и с которыми можно было делать что угодно.

В пору, когда Окурочка был еще молокососом и не выкурив своей первой самокрутки, уже никто в их краях не слышал о походах в соседний регион на сотне машин в составе пятисот стволов за хабаром. Пощипать соседа, если тот расслабил булки – дело святое, все этим занимались, кроме последних лохов. Но масштабные набеги ушли в прошлое, в область сказок и баек.

Поэтому, хоть он и честно пересказывал маме услышанные в карауле слухи, в какого-то Виктора с погонялом «Уполномоченный» сам верил с трудом. Посланцы могли себя выдавать

за кого угодно, хоть за пиндосов самих. Это вообще могли быть какие-то левые чуваки, такая же бомжати́на, как он, решившая взять барина-барыгу на понт. А нападение мог устроить кто-то из соседних хозяев, который решил Гоге рога обломать и его полянку занять.

Ну не могла эта орава прикатить настолько издалека. И быть настолько огромной.

В этот раз стрельба была недолгой и вскоре сошла на нет. Доносились только отдельные выстрелы, похожие на звук плеток. Танковые пушки так и не заухали. Хоть Гогины танки Т-72 и не трогались с места, их можно было использовать, чтоб огонь вести. Они у него вокруг дома стояли, наполовину в землю врытые. Были к ним снаряды или они стояли там просто для острастки – неизвестно, но в этот день до главных калибров дело не дошло. Стреляли только из винтовок и автоматов.

Примерно в два часа ночи на юге раздалось несколько громких хлопков, каждый из которых сопровождался раскатистым эхом. Почти одновременно со стороны асиенды раздалась серия взрывов, и взметнулось пламя.

– Что за херня?

– Это артиллерия, сынуля, – баба Стеша в молодости начинала день с чашки кофе и просмотра новостей на планшете. – Для миномета далековато. И звук не такой. Наверно, самоходная.

Димон в который раз поразился ее познаниям. Он часто замечал, что любой из «тогдашних» знает больше, чем кто угодно из молодых. Причем об абсолютно разных вещах.

– Как бы по нам шмалять не стали, – заросший щетиной, как кабан, ее сын не выглядел напуганным, но она инстинктивно потянулась, чтоб успокоить его. Он был у нее один, остальные умерли, не дожив до пяти годов.

– Не будут. Снаряды ценные. А мы нет. Разозлил наш барин опасных людей. Сейчас поджарят его, как собаку на костре.

Упоминание о собаке заставило желудок Окурка заворчать и завертеться. В пути он не ел ни крошки. В рюкзаке у него лежал тощий заяц с хрящеватыми ушами и несколько ворон. Охота была неудачной, в ловушки никто больше не попал. Он с радостью бы сожрал их хоть жареными на шампуре, хоть вареными в котелке, но костер разводить опасно. Идти до материнской хаты тоже опасно. Решили пересидеть какое-то время в здании старой совхозной конторы. И крыша, и огонек развести можно, и спокойнее. Кто знает, что сделают новые с деревней? Может, вырежут всех под корень и скажут, что так и было. Такое случалось.

Внезапно оба – даже подслеповатая бабка – увидели зарево там, где должна была стоять усадьба Гоги. Огненный столб был замечен даже с такого расстояния, несмотря на низко висевшие облака и медленно сгушавшийся туман. Только не получалось разглядеть, горит ли это сам трехэтажный дом или какая-то из построек.

Окурки никогда бы не подумал, что пожар у этого кровососа не доставит ему никакой радости. Но случилось так, что не успел он позлорадствовать, как услышал звук приближающегося автомобиля. И не одного, а нескольких – надрывный рев машин, у которых явно были проблемы с глушителями.

Во время службы у Гоги он закорешился с его механиком Геннадьичем, и они часто зависали в гараже вместе с канистрой спирта. Чего у хозяина только не было, даже лимузин – длинная тачка, которая по новым дорогам могла бы проехать от силы сто метров. На ней давно никто не выезжал. На ходу из всего этого богатства была одна малолитражка, собранная из частей «кореек», «японок» и «китаек», которую Гогоберидзе раз в неделю использовал для поездок по своим плантациям. Остальное ржавело на пустыре за особняком и постепенно разбиралось на запчасти.

Но та малышка «звучала» совсем иначе. А то, что он слышал сейчас, могло быть только машиной из гаража Гогиного «вермахта», как тот звал свою маленькую армию, где было два пикапа, два УАЗика, микроавтобус и бортовой КамАЗ.

Приближались машины с юго-востока, со стороны заброшенных корпусов совхоза.

Окурочек ускорил шаг, стараясь при этом не шуметь. Сердце билось в ускоренном ритме, он почти тащил старуху на себе. Старое двухэтажное здание агрохолдинга было уже совсем рядом. И хотя мимо него шла протоптанная тропка, внутри уже лет тридцать пять не ступала ничья нога. В свое время отсюда вынесли все, что можно, даже двери кабинетов сняли и стеновые панели скрутили. Теперь это место обживали только насекомые – но не тараканы, которые любили тепло и исчезли вместе с людьми, а пауки, муравьи и двухвостки.

Обычно интуиция, которую он называл «чуйка», никогда не изменяла Окурочку, а в этот раз решила над ним пошутить. Стоило ему чуть приоткрыть заржавевшую дверь черного хода, протолкнуть вперед престарелую мать и самому заскочить следом, как тихий, но командный голос с легким присвистом, прозвучавший из темного угла коридора, приказал:

– А ну стоять, не дергаться!

Тут же кто-то сзади заломил ему руки, а другой в это время сорвал винтовку у него с плеча. И только теперь до Окурочка дошло, что же не понравилось ему в знакомом дворике этой конторы. А вот что: притулившись в дальнем конце у самого забора УАЗ камуфляжного цвета. А если присмотреться, можно было заметить на мокрой земле и следы от шин.

«Етить, это ж надо так влипнуть», – стукнул бы он себя по глупому лбу, если бы его не держали цепкие руки. И тут же понял: это не люди Гоги.

Хотя неясно: легче ему от этого должно стать или тяжелее.

Их не били, сноровисто обыскали и тут же отодвинули к стене. Два крепких здоровых мужика в темно-зеленом камуфляже держали их под прицелом автоматов – и была это у них, если Окурочек хоть что-то понимал, армейская «цифра». Фонарь, закрепленный на цевье одного из «калашей», направил свой луч прямо Окурочку в переносицу. Он непроизвольно закрыл глаза рукой.

– Ну и встреча, – пробасил другой голос, более низкий, чем у предыдущего. – Шонхор, гляди, кого нам принесло. Это местные, кажись.

Незнакомый рев между тем нарастал и доносился уже с улицы. Во дворе раздался скрежет тормозов. Фары мазнули по окнам лучами яркого света.

– А вот и наши подъехали, – тот, кого называли Шонхором, выглянул в окошко. Он был невысокий, восточного вида и лысый, как коленка. – Чингиз, я пойду за своими пацанами пригляжу. А ты смотри, пленных не угробь. Сам голову снимет. Сказал, чтоб волосы не упало.

– Да знаю я, – грубо отмахнулся тот, кого называли Чингизом. Несмотря на имя (хотя это могла быть и кликуха), которое ассоциировалось у Окурочка с узкоглазыми людьми, он был на внешность чисто русак – пузатый, бородатый, в лохматой черной шапке, с большим красным фурункулом на щеке, похожим на вишню. Изо рта у него нестерпимо воняло.

– Э-э, бабка, ты чего? – вдруг вырвалось у одного из автоматчиков.

Только сейчас они заметили, что старуха, которую, как не представляющую интереса, ненадолго упустили из виду, сползает по стене, держась за сердце.

– Мама! – Окурочек хотел броситься к ней, но второй часовой заступил ему дорогу и толкнул прикладом.

– Не дергайся. Ей уже не поможешь, – Шонхор наклонился и положил старухе руку на шею, потом посветил в глаза. – Душа выходит. Кондрашкахватила.

– И правда... Не дышит, – убедился Окурочек, когда его наконец-то допустили к ней.

Дыхания не было. То, что в первую секунду он принял за ее дыхание, было его собственной дрожью. Пульс, едва ощутимый, с каждым ударом слабел.

– Что ж вы сделали, блин? – только и выдавил он из себя.

Никаких крепких выражений, которые он так любил. Могли и рядом уложить. С них станется.

– А мы-то с какого бока? Каждому свой срок, – философски заметил лысый.

– Кажись, окочурилась со страху, – кивнул бородач, – Шонхор, прикапывают пусть твои. Моим людям щас могилы копать не с руки. Нам надо весь этот гадюшник разведать.

– Сделаем, – кивнул косоглазый и, высунувшись на улицу, зычно крикнул: – Доржи, Бурульдинов! Ко мне! Похороните старуху вместе с нашими.

Ему даже не позволили с ней попрощаться.

Они вышли во двор. Окуроч, он же Дмитрий Савинов, которого до сих пор конвоировал один из автоматчиков – он про себя называл их «солдатами» – вдруг почувствовал незнакомый укол боли – не в груди, а в душе. Вспомнил все...

Как она ему последние куски отдавала. Как рассказывала про старый мир, про разные его чудеса. Как жизни учила насколько могла – отца он своего никогда не видел, а сменявшиеся у нее в те годы, когда она еще не была старухой, хахали были готовы отвесить малявке только подзатыльник. Это были первые послевоенные годы. Время жуткое, даже страшнее, чем теперь. Земля тогда почти не родила. Ходили в Сталинград, на пепелище банки консервные откапывали. Дохлую собаку за царский ужин считали. Иногда рвало – и поди пойми, от «лучевой» или от той банки. Но как-то выжили, как-то сдюжили... И вот поди ж ты – такая нелепая смерть. Вроде и не убили, а если бы не эти гаврики, могла бы еще пару лет проскрипеть.

Он знал, что рано или поздно это произойдет, но не думал, что так скоро.

«Если со мной что-то случится, последуй моему совету. Хватит шляться одному. Все твои дружки-сталкеры долго не проживут, – она часто употребляла это незнакомое ему слово. Сами они называли себя «старателями». – Помрут раньше сорока. Прибейся к сильным. С хорошим начальником не пропадешь. Лучше быть слугой у хорошего хозяина, чем королем помойки. И не забывай завязывать шарф поплотнее». Такой она была, его мама.

– Скажи спасибо, что сам к ней не отправился, мужик, – грубо толкнул его в плечо бородач Чингиз. – А то мы сегодня многих... того. Хочешь жить – отвечай на вопросы. Ты чем по жизни занимаешься?

– Старатель я, – без колебаний ответил Окуроч. – Хожу, где придется, тащу, что приглянется. Как говорят: быстро стырил и ушел – называется «нашел». Охочусь. Вон, зайца добыл.

– Да на хрен нам твой заяц! – зло фыркнул бородач. – Ты нам зубы не заговаривай.

«Похоже, я им зачем-то нужен», – смекнул Димон. Во внезапно проснувшуюся в этих головорезах добросердечность он не верил.

Это радовало. Значит, не убьют сразу. А там можно и лыжи наострить.

«Эх, мама...» Вот и остался он один на свете. И можно идти куда хочется, хоть до Тихого, мать его растуды, океана, хоть до Москвы, етить-ее-через-коромысло-три-раза, столицы нашей родины. Только радости от этого нет.

Ему вспомнилось, как мама включала ему детские песенки в наушниках плеера, когда за окном их хибары завывал ледяной ветер. Седьмая зима его жизни была не ядерной, но такой же страшной. Солнце неделями не выглядывало из-за туч... А однажды весной мать вытащила его из ледяной воды, разлившейся прямо по улицам. И только потом сказала, что не умеет плавать, кроме как на матрасе. Вспомнил, как шли по железнодорожным путям мимо города. Не Сталинграда. Другого. Ростов? Воронеж? Самара? Нет, какое-то другое название. Забыл. А вокруг были кости и скелеты – скелеты людей, животных, скелеты домов, скелеты машин. И даже вместо деревьев – скелеты. И поезд на рельсах, который они обошли – нагромождение ржавого железа, вокруг которого тут и там валялись кости в обрывках одежды.

– Выходит, местность тут ты хорошо знаешь? – Шонхор переглянулся со своим вспыльчивым товарищем. – Поможешь нам?

– Почему же не помочь? – твердо, без угодливости ответил Димон. – Говорите, что делать.

– Запоминай, – произнес Борманжинов. – Повторять не буду.

Голос его был, как и имя с фамилией, свистящим и шипящим. Откуда же он? Киргиз? Узбек? Здесь у них таких отродясь не водилось... а может, до войны водились, но повымерли. Скорее, калмык. Они тут близко жили. Он даже одно время с ними дела имел.

«Будем считать, что калмык».

– Короче, – продолжал лысый. – Послезавтра в семь утра мы заедем в село... у вас есть часы?

Окурок помотал головой. Он лихорадочно пытался вспомнить, у кого есть рабочие часы, но последние механические сломались в прошлом году. А для электрических давно не было батареек. Раньше у него были наручные, но в походах ломались часто, да и надобности особой не было. В Сталинграде, конечно, можно было найти все, что угодно – но руки не доходили. Да и батарейки почти все уже были испорченные.

– ...ть. Ну и лося, – брезгливо выматерился Чингиз. – Живут тут как дикари, даже времени не знают.

– Так дай ему, Федор, у тебя же их мешок. Дай нормальные. Швейцарские.

– А я-то с чего, Шонхор?.. Без ножа режешь. Э, ладно, – махнул рукой разведчик и запустил лапищу в подсумок, достав оттуда блестящие «котлы». – На, подавись. Надеть-то сумеешь?

Часы были неплохие – тикали, время показывали. Стрелки светились в полутьме. А надпись «ватер-резистант» латышскими буквами означала, что вода им не страшна. Это, конечно, вранье, бултыхать в ручье или луже их все равно не стоит.

Цифры на них были тоже не русские (1, 2, 3...), а иностранные (I, II, III...).

Окурок считал себя довольно грамотным. Знал цифры и буквы – и российские, и латышские, хотя складывал первые только в короткие слова, а вторые почти никак. И предложения больше чем из пяти-шести слов воспринимал плохо. От них начинала болеть голова. Умел считать в столбик, мама научила... но с умножением и делением даже двузначных чисел у него был швах.

Остальные – и крестьяне, кто из молодых, и его друзья-бродяги – знали еще меньше.

Наверно, часики позаимствовали в доме Гогоберизде. Любил он такие безделушки, но конкретно эти для него слишком простые, их носил кто-то из «быков». Может, и со жмурика сняли. Интересно, живой ли Гога вообще или в плену? Плунуть бы в харю ему напоследок. А гаденышу Королёву сапогом по поганой роже – за каждый его тогдашний удар кнутом по одному разу...

– Вот тебе значок, – Борманжинов протянул ему какую-то металлическую бляху. – Ты еще не один из нас, но для твоих ближних это будет так. Повесь на грудь.

Только сейчас Окурок увидел, что такие же штуки носят оба его собеседника. Да и у всех остальных бойцов, на которых он мимолетом скосил глаза, были подобные.

Значок был необычный. Он был похож на старые монеты из желтого металла, но не золота. На круглой металлической пластине поверх другого изображения была грубо отштампована картинка, изображавшая раскинувшего крылья орла. Орел был с двумя головами, почти как Горыныч, только головы были в коронах. А сидел он, опираясь когтями на знамя, к которому были прислонены меч, щит, автомат и гранатомет. Чуть ниже «калаша» и РПГ было изображение какого-то острова. Цеплялась пластина к одежде припаянной булавкой.

Закончив с этими делами, Шонхор открыл было рот, чтоб продолжить, но в этот момент раздался посторонний шум – негромкий, но противный треск.

– Чингиз, Кречет, доложите обстановку! – произнес голос. Доносился он из расстёгнутого кармана жилета Шонхора и показался Окурку бесцветным и полностью лишенным выражения. Будто автомат говорил. Не тот, который стреляет, а тот, который, как Шварцнегр, железный.

Он догадался, что это, хотя сам в руках таких не держал. У Гоги тоже было несколько радиостанций, но побольше, которые только в машине можно возить. Удобная штука.

На обоих голос подействовал как удар плетки. Они напряглись, лица их вытянулись, а про пленника словно на время забыли.

– Первый, это Кречет, – видимо, сначала должен отчитаться Шонхор. – Докладываю! Обнаружен один местный. Мужчина лет сорока пяти, охотник, у них в авторитете. Согласился сотрудничать. Обещает устроить прием и обеспечить дома.

Рация произнесла в ответ что-то скороговоркой. Что именно, Димон не слышал, но тон показался ему недовольным.

– Так точно. Никакой больше задержки... Слушаюсь. Передаю, – спихнул рацию своему товарищу калмык с видимым облегчением.

Федор в свою очередь доложил так:

– Говорит Чингиз. Развели северную окраину деревни. Никто не живет. Живут только в центральной части. Нет, еще не посчитали... На въезде с трассы баррикада из шин. Оттого и задержались...

В ответ понеслась целая тирада раздражённых фраз.

– Виноваты... – голос брутального разведчика тоже приобрел заискивающие интонации. – Заставим местных разобрат! Сами продолжаем движение на юг, обстановку оценим. Есть!

Разговор оборвался. Видимо его прервали на той стороне.

– Еще раз, – Шонхор опять повернулся к Димону, спрятав антенну и убрав рацию в карман. – Послезавтра в семь мы заедем в село. Семь утра. К этому времени приберитесь. И разберите эту хрень на въезде. Она нам мешает.

Он указал на главную улицу, раньше носившую имя Пролетарская. Баррикаду рядом с бывшим постом ГАИ отсюда не было видно, но речь шла о ней.

Окурочек хотел было сказать, что ее построили местные еще пятьдесят лет назад в самом начале Зимы, когда непонятно было, чего дальше ждать и с кем воевать. Из покрышек, досок, шлакоблоков и листового железа. Называли они ее «блокпост» и одно время даже дежурили на ней с ружьями. Потом, когда деревню законали, на ней стояли люди Гогиного папаша – собирали дань. Уже с «калашами». А потом, когда тот скопытился, наследник и его «быки» совсем обленились. И дань теперь требовалось свозить к ним на хату. Эдик приезжал в село всего несколько раз в год, чтоб посчитать народ по головам и отобрать по дворам вещи, которые ему приглянулись. Но такие подробности вряд ли заинтересовали бы этих крутых ребят.

– Крупный мусор с главной дороги тоже убрать, – начал загибать пальцы в кожаной перчатке калмык. – Стекла, гвозди вымести, руками собрать. Не дай бог шину пропорем – сожрать заставим. Срач во дворах, которые выходят к дороге, тоже уберите. Заборы там подновите. Выберите двадцать лучших и просторных хат, и пусть люди вещи собирают. Полы и стены помойте, чтоб чисто было. Мы туда вселимся. Простые бойцы в палатках пока поживут, а дома для командиров. Так что не оплошайте. А когда закончите – приходите к половине седьмого к дороге. Одеться всем при параде... В лучшие тряпки. Будете встречать войско Его превосходительства товарища Уполномоченного. И радоваться. Ручками махать, когда он поедет на своей большой машине. Иначе он будет злой. Совсем злой. А вы же не хотите увидеть его злым, да?

Окурочек смиренно кивнул. Он и вправду не хотел.

Он уже не очень рад был смене хозяев. Прежний, по крайней мере, не убивал их за просто так, и они знали, чего от него ждать. Но вроде суток должно хватить, чтоб прибраться.

Гости повернулись и пошли к припаркованной в углу двора машине.

– А можно вопрос? – шалея от собственной смелости, крикнул им вслед Окурочек. – Вы кто такие, господа хорошие?

– Да я тебе щас дам вопрос! – проревел Чингиз медведем, развернувшись на пол-оборота и кладя руку на ремень, на котором висел автомат. – Ты кто такой, чтоб вопросы задавать? Сказали – иди, делай.

– Остынь, брателло, – узкоглазый положил руку на плечо товарищу. – Нормальный вопрос у товарища. Дружбан, меня зовут Шонхор, это по-вашему – Кречет. Такой большой хищный птичка. Фамилия – Борманжинов. Я из Калмыкии. Это тут на юге, не сильно далеко. Но вообще у нас в отряде пацаны из разных мест. И из Центра, и с Дона, и с Кавказа. Я – зам по тылу. Это типа завхоза, но круче. Мы армия СэЧэПэ.

В ответ на недоумевающий взгляд Окурка он пояснил:

– Сахалинского чрезвычайного правительства. А этот крутой воин – командир разведроты. Зовут Федор Игоревич, а позывной его Чингиз. Это в честь великого завоевателя древности. Мы служим господину-товарищу Уполномоченному.

– Иванову? – переспросил потрясенный Димон. – Виктору Иванову?

– Ему самому, – ответил с нотками гордости калмык.

Так это не сказки! И большая орда действительно пришла. А это означало, что – к худу или к добру – но их жизнь изменится навсегда.

Окурочек не был дураком и вслух возражать не стал, но про себя отметил – ему суют лапшу в уши. Несмотря на то, что академий и даже школ он не кончал, чутьем он понимал – нет никакого правительства давно. Уже лет пятьдесят. Да и Сахалина, скорее всего, тоже нет, или там никто не живет. Где он вообще, этот остров? Рядом с япошками или рядом с турками? Димон попытался вспомнить карту, но память не сохранила те краткие уроки, которые ему давала мать по старым учебникам. Гораздо более ценным казалось научиться ловить рыбу, ставить ловушки на зайцев, шилом, иглой и суровой нитью чинить обувь и одежду... Отбиваться от зверей – двуногих и четвероногих.

Вроде где-то на юге это. Далеко. Никто оттуда бы не добрался по суше.

Конечно, они тоже банда, эти «сахалинцы». Но большая, сильная и организованная. Вон как у них снаряжение подогнано. И какой камуфляж! И какая тачка! И оружие – одного взгляда на их автоматы Окурку хватило, чтоб понять – люди Гоги были им не ровня. А уж артиллерия, которой они шибанули по Гогину дворцу... даже если промахнулись.

Одно их название говорило о многом. СЧП. Просто музыка. Надо быть грамотным, чтоб такое придумать. Значит, их вожак и кто-то рядом с ним – люди головастые. Все бригады, которые приходили до этого, обычно называли себя по имени населенного пункта, откуда родом были или где вместе сошлись, или где у них лагерь был. Типа саранские, самарские, волжские. Разве что «бешеные» назывались просто «бешеными».

А все их армейские словечки? Сейчас никто таких не употребляет. Только матерятся и ухают, как обезьяны-шимпанзе. А тут сразу видать и дисциплину, и выучку. Народу в деревне это понравится, особенно тем, кто постарше.

Но, конечно, от всего этого они не становились менее опасными. И опасаться надо было не краснорожего буяна с бородавкой. Нет. Выросший на пустырях, в темных дворах и на заваленных мусором улицах, где люди были опаснее волков, Окурочек усвоил с детства несколько простых правил. «Бойся не той собаки, которая лает, а той, которая молчит».

Поэтому чувствовал, что Федя ему горло не перережет, хоть и хватается постоянно за нож. Максимум в морду даст. Даже Шонхор и то выглядит опаснее, как затаившийся в траве змей. И нож на поясе тоже носит, и пистолет в кобуре, хоть и завхоз. Такого злить и подводить не надо. Но больше всего надо было опасаться того, чьим голосом говорил этот маленький приборчик. Даже этим двоим он внушал страх. И завтра с ним сюда наверняка придет орава таких, для кого человека грохнуть – как муху прибить.

– Сделаешь все хорошо, никто тебе голову не отрежет, понял? – Чингиз продолжал брать его на понт, но Окурочек смекнул, что бояться не стоит. – А попробуешь сбежать, из-под земли достанем. Мы сюда приехали надолго, если че. Тут теперь наши порядки будут.

– Все, за работу! – Борманжинов дал обоим понять, что разговор закончен. – Послезавтра вы, валенки деревенские, увидите меч Всевышнего. Как наши друзья нохчи говорят.

«Нохчи? – не понял это слово Димон. – Какие еще такие нохчи? Это что, народ, или род занятий, или кличка такая?»

Подъехала еще одна машина – Окурочек узнал «японку» из автопарка Гоги. Задняя дверь распахнулась и оттуда, тяжело отдуваясь, вылез... мля, знакомое лицо! Точнее, рожа. Бобер собственной персоной! Уж его-то пропитую морду можно спутать только с чьей-то жопой. И тоже уже значок с орлом нацепил себе на куртку. Так вот кто помог этой братве быстро всю пехоту Гоги уделать. Знал, видно, куда ветер дует.

Бывшая «правая рука» хозяина паскудно улыбнулся, обнажив десять настоящих и восемь золотых зубов – был у них одно время в деревне стоматолог, использовал старые материалы для протезов. Окурочек сам ему золотые коронки носил. И зубы драл хорошо. Жаль, после «белочки» на собственных подтяжках повесился.

Бобер был одет как всегда добротнo: брюки хорошей ткани, крепкие ботинки, кепка из нерпы – видать «фирма», раз не вылезла за столько лет и не порвалась. Куртка из оленьей кожи, это уже новой работы. Но сальные волосы и мятое, будто распаренное лицо выдавали в нем любителя бухать по-черному.

Гога, сам из-за болезни печени ограничивавшийся стаканом вина из собственного подвала (цел еще тот или нет?), порол Эдика за это как сидорову козу, но шкура у того была, видимо, дубленая. Каждый раз отлеживался, и ставился на прежнее место – никто так, как он, не умел обдирать холопов.

На боку у него болталась кобура, а значит, ему доверяли и он был не пленник. На жирной шее висел металлический свисток, которым он раньше любил подгонять батраков.

– Эй, Бобр! – окликнул его Шонхор. – Я нашел кента тебе в помощь. Теперь берите ноги в руки и идите тормошить ваших утырков. Все на субботник! Чтоб все дочиста вылизали. Пусть знают, что пришли новые хозяева. Доржи и Бурульдинов пойдут с вами.

Двое молодых бойцов с раскосыми глазами, вооруженные «веслами» – «калашами» с деревянными прикладами, остались с ними, переводя с одного на другого настороженные взгляды.

– Все, Чингиз, поехали! У нас дела.

– Еще бы, – огрызнулся бородастый. – Мне Сам сказал тут каждую дыру облазить. Ну все, салаги, послезавтра в семь ждите нас в гости, га-га-га.

Они сели в УАЗ, на вытертое заднее сиденье, где сидел тощий мужик в лисьем малахае, похожий на актера из фильма, который Окурочек видел в детстве, когда они с мамой жили в городе Муравейнике у очередного ее хахаля. Только повзрослев, Димон понял, что тот был бандит и рэкети́р, поэтому и жили тогда они терпимо – в шлакоблочном доме, даже мясо ели. А батраки там жили в теплушках, кое-как утепленных, или в землянках.

Рядом на сиденье лежал пулемет. На водительском кресле развалился здоровенный жлоб в зеленой майке. Хотя вроде было и не лето.

Мотор заревел и машина тронулась, лихо вырвав со двора, обдав их облаком вонючих газов. Передовой дозор – а это был именно он – зря время тратить был не настроен.

Окурочек с Эдуардом переглянулись. И без лишних слов пошли выполнять задание. Целые сутки казались порядочным сроком, чтоб все успеть. Но все же лучше не мешкать и обойти все дворы с вечера.

Глава 2. Меч Всевышнего

Сказать, что расшевелить людей и заставить их работать было просто – было бы неправдой. Сказать, что возникли непреодолимые сложности – тоже обман.

Деревенские с неохотой, но повиновались. Как повинуются новому владельцу старая упрямая кляча, которая даже битье кнутом встречает спокойным безразличным взглядом больших глаз – привыкла.

Уловив в их голосе знакомые интонации надсмотрщиков, крестьяне матерились, сквозь зубы ворчали (двое, ворчавшие слишком сильно, получили тумаков от Бобра и удары прикладами от немногословных калмыков), но принимались за работу.

Немногословные калмыки кивком головы указывали на дома, где встанут на постой командиры, и тут же жители без церемоний выгонялись на улицу. Придется им пожить в тех хатах, которые с самой войны пустыми стояли – без крыш, без окон. Ну, вроде не зима на дворе, не помрут. Никто не пытался возражать и тем более поднимать крик.

С утра весь народ от мала до велика был выгнан на субботник. Убирали и сжигали мусор, драили окна – там, где были стекла, а не листы фанеры, расчищали завалы многолетнего хлама на грунтовых дорогах, рубили деревья и кустарники, корчевали пни, увлакивали прочь бревна от рухнувших домов и упавшие столбы, чинили заборы...

Оказалось, что сутки не такой уж большой срок, чтоб расчистить такие Сизифовы конюшни.

Думали управиться к закату. Но когда закончили уборку, уже светало. Дольше всего они провозились с баррикадой. Тут, конечно, помогли бульдозер и автопогрузчик, которые Бобер пригнал с Гогиной асиенды. За рулем обеих машин были люди Шонхора. Что стало с теми, кто жил рядом с дворцом в корпусе для подсобных рабочих, Окуроч не стал спрашивать. Там ведь и баб было штук семь, которые обстирывали, готовили еду и обслуживали Гогу и его приближенных во всех смыслах. Живы ли они еще?

Раздавая команды, крича до хрипоты, а иногда и отвешивая подзатыльники, Окуроч вспоминал, как одна из них, Светка, даже когда-то убежать с ним хотела. Но мама сказала: «Ты че, с дуба свалился? Здесь ты на всем готовом, в тепле и при жратве, а в пустыне вы в первую зиму околеете». И он остался у Гоги. Дело было не в материнском совете, конечно. Он и сам после одного случая на Урале побаивался отходить далеко, очертив для себя воображаемый радиус вокруг деревни. Пустыня его пугала своей необъятностью. Хотя какая к черту пустыня? Не песок же, а степь каменистая. Но чем дальше от реки, тем сильнее была сушь, и ветры, и пыльные бури летом, и смерчи, а зимой такие выюги, что целый день ни зги не видно. Мать говорила что-то про экологическую катастрофу. Говорила, что дай только срок – и песок появится. Если раньше ледник не придет.

Но дело было даже не в опасностях, которые подстерегали там человека. Безотчетный страх покинуть привычные места был у него не меньше, чем у тех, кто дальше баррикады (уже разобранной) носа не показывал. Разве что для него «привычными местами» была не деревня, а неровный квадрат размером тридцать на двадцать кэмэ.

Когда-то давно он ходил и дальше. На восток. До самого Казакстана, который вроде раньше был другой страной. Но после того, что с ним однажды случилось, не мог себя заставить вырваться из этого прямоугольника. Но никому об этом знать не следует. А то его полезность в их глазах упадет.

Когда стрелки новоприобретенных часов Окуроч показывали 6:35, все взрослое население Калачевки было построено вдоль главной улицы деревни – Пролетарской.

Окуроч напряженно всматривался в горизонт, то и дело поднося к глазам бинокль. Под глазами у него были мешки от недосыпа, щетину он так и не успел сбрить, хотя собирался

немного поскоблить рыло бритвой. Рядом замер такой же замотанный Бобер, который за все это время даже не притронулся к спрятанной у него под курткой фляжке с самогоном. Только запивал водой сухари и иногда плескал себе на голову, хотя было совсем не жарко. Видать, башка болела от напряжения. Чуть поодаль стояли как истуканы, тихо переговариваясь посвоему, двое соплеменников Шонхора с автоматами.

Они вчетвером стояли отдельно от жителей села, на пригорке, откуда открывался хороший вид на бывшее федеральное шоссе – две нитки асфальта с узкой разделительной полосой между ними.

Простые люди же теснились прямо у дороги рядом с заколоченным продуктовым магазином, на стене которого вдоль всего фасада было крупно начертано: «Добро пожаловать!» Правильно написали, без ошибок. Были еще в деревне грамотные старики, вернее, старухи.

Степь была пустынна. Лишь вдалеке, чуть ниже линии облаков высматривал свою добычу коршун. Хомячки и суслики пережили зиму, хотя люди их тоже ели.

И вот без двадцати семь на шоссе вдали появилась точка. А за ней целая россыпь. Они выныривали из-за невысокого холма, но казалось, что поднимаются из-под земли. При восьмикратном увеличении можно было заметить расходящийся вокруг в обе стороны шлейф пыли. Хотя они ехали довольно медленно. Просто их было очень много.

Окурок никогда не видел столько машин в одном месте. Да и Эдик, видно, тоже.

– Етить твою мать, – только и произнес тот. – Да сколько ж их?

Первыми ехали мотоциклы – трехколесные. Но за ними угадывались силуэты пикапов, джипов и грузовиков.

Они наплывали как волна цунами. Ехали ровной колонной по два в ряд. Порядок нарушался только там, где приходилось объезжать препятствия – например, лежащий на боку старый грузовик, поваленный бетонный столб или промоину, заполненную водой.

Хотя дорога тут была почти свободной. Не то, что поблизости от Сталинграда, где гниет столько ржавого хлама, что не протолкнешься.

Обычные ямки и колдобины – а Окурок знал, что представляют из себя все асфальтовые дороги – их мало тревожили. В этой колонне была только техника с хорошей проходимостью.

Димон опустил бинокль. Их уже могли увидеть оттуда через прицел, и нечего было так нагло пялиться. Вскоре уже можно было все хорошо рассмотреть невооруженным глазом.

Деревенские жители, стоявшие вдоль дороги метрах в пятидесяти, тоже заметили приближающуюся ораву и загомонили. Затем по толпе прошел вздох удивления. Эти косолапые вообще, поди, не знали, что столько машин на свете наберется!

Окурку стало малость стыдно перед чужаками за свое село. У тех пушки, тачки, крепкая одежда. А тут на улицах с самой войны порядок не наводили, целые горы из золы и отбросов, собачьих, голубиных и вороньих костей, выросли прямо у заборов в два человеческих роста – все, что смогли, убрали, а остальное авось не заметят. И прикинуты селяне черт знает как – а им ведь было сказано приодеться в лучшее! На ногах у половины самодельная обувь с подошвой из старой крыши. У остальных – стоптанная довоенная рухлядь. Заплатанная одежда из вытертой и застиранной ткани – сделанной, если мать не врала, когда-то китайцами, давно потеряла свои цвета и была однотонно серой. Да и сами не подарок. Лица серые, глаза тусклые, во рту у многих вместо половины зубов – пеньки. Ну, хоть побрили подбородки давно затупившимися лезвиями, подстригли волосы ржавыми ножницами.

Разве что у тех, кто ходил на промысел, было с вещами получше. Да и более сытыми они смотрелись. Но таких мужиков можно было по пальцам пересчитать: Семен, Леха-большой, Леха-маленький, Иваныч, Никифоров-старший, племянник его Андрюха. И еще человек пять реальных, конкретных и нормальных мужиков.

«Надо их иметь в виду», – подумал Димон. Пришельцам наверняка понадобятся эти, как их... рекруты. И про Комара не забыть. Он белке на самой высокой ветке даже не в глаз, а в

зрачок попадет. Когда сам не под «белочкой». И еще он двоих таких же знает, ходоков-старателей. Они спасибо скажут, если удастся их посвятить к таким серьезным людям на службу.

А ему, Окурку – тоже будет польза. Может, его поставят начальником собственного отряда. Мать всю жизнь ему втирала про этот... как его... карьерный рост. Чем не начало?

Пока он размышлял, колонна приблизилась настолько близко, что уже и без бинокля можно было рассмотреть ее состав – благо, дорога делала небольшой поворот.

До них доносился рев множества моторов – в основном дизельных – похожий на рык голодного зверя.

Первые мотоциклисты между тем уже подъезжали к месту, где когда-то стояла баррикада. Между ними и наблюдателями было открытое пространство, и Окурочек не смог удержаться, чтобы не глянуть еще раз в свои окуляры.

Тут было на что посмотреть.

В одном из журналов, которые он запродавал Комару, был раздел не только про баб, но и про киношки. Текст Окурочек почти не понимал, но картинки ему понравились. Один фильм был про чувака в кожаном прикиде по имени Безумный Макс. Только Димон никак не мог вкурить, с какого фига тот безумный, если ведет себя вполне здраво? Ездит на тачиле, мочит негодяев, следит за уровнем бензина и масла (несколько раз Геннадийч давал Окурочку садиться за руль «Таэты», и тот знал, что к чему).

Там на одной картинке на весь разворот была армия главного негодяя на железных конях. В шипастых доспехах, шлемах с рогами, хоккейных масках, противогазах и еще черт знает в чем на головах, с цепями и прочими побрякушками.

Нет, эти мотоциклисты не выглядели точь-в-точь как те ребята из фильма. Но что-то отдаленно похожее было. На каждом из мотоциклов сидели двое, и сидящий в люльке был стрелком. Стволы пулеметов, установленных на вертлюгах, смотрели на дорогу. На головах ездовых были кожаные шлемы, глаза защищали очки-консервы. Одеты они были в одинаковые куртки из грубо выделанной кожи крупного рогатого скота – бурой, без хромового блеска, но очень толстой и прочной. Такую можно и зимой носить, если под низ что-нибудь поддеть.

И вдруг он узнал их. Несколько человек, которые ехали с непокрытыми головами, показались ему знакомыми. Ага, вон Упырь, вон Хрипатый, а вон Компот. Узнал он и их мотоциклы, чуть отличавшиеся от остальных. И сразу начал искать глазами Рыжего. Но остальные ехали в шлемах и все были на одно лицо.

«Бешеные»... А неслабо они поднялись. Одних мотиков штук тридцать! И какие!

Наверняка вся одежда была новая, потому что раньше они одевались в жуткое тряпье с чужого плеча, едва ли не с покойников, которое без женской руки они даже залатать нормально не могли. А бабы при их банде долго не жили.

Новым было и изображение красной собачьей головы, нашитое у каждого на плече.

Одно время он хотел сам к ним примазаться. И даже дружбу водил с ними. Не со всеми, а с двумя шлангами, которые тоже раньше на Гогу работали, а потом ударились в бег. Только они свалили не из окна, в чем мать родила, а с шиком – угнав у старого пердуна целый грузовик и шороху наведя попутно. Прежнего безопасника Гога после этого дела в свинопасы перевел за недосмотр, а сторожа повесил на столбе.

Но Упырь и Хрипатый – товарищи ненадежные. Такие могут и за старые сапоги кокнуть. А остальные и того хуже. Новый их пахан... он себя атаманом называет – Рыжий – долбанутый на всю голову. Если сравнить всех живорезов на службе у Гоги с ним одним – то получится, что те ему в ученики могли бы пойти, опыт перенимать. Яйца режет, кожу снимает, яблоки глазные вынимает раскаленным прутом, а уж пристрелить человека так, чтоб тот подольше покорчился – это для него приятней, чем девку поиметь.

Поэтому мамку пришлось бы бросить, ведь не притащишь ее в берлогу к этим оглоодам?

Эх, да чего теперь вспоминать...

Раньше «бешеные» были голодранцами, изображавшими из себя реальных пацанов. У них было всего три-четыре мотоцикла на ходу, и передвигались они пешкодрапом по дорогам – в основном по левому берегу, от Городища до Светлого Яра. Постоянного лагеря у них не было, но временные лежбища они устраивали в Сталинграде, в черте города. Последнее было на вокзале Волгоград-2.

Они нападали и устраивали засады на тех, кто не мог дать сдачи. Любой, кто уважал себя и мог выставить хотя бы двадцать вооруженных мужиков, дань им не платил. И пулеметов никаких у них не было: ПМы, ментовские «укороты» и гладкоствольные «Сайги».

Редко когда им удавалось захватить или выменять канистру-другую бензина, чтобы покатайся на своих железных конях день-другой.

Когда-то давно горючки полно было, но не хранится она долго. Как и Гога, «бешеные» тоже пытались делать бензин. Как и у него, у них ничего не получилось (а те, кто его умел делать, в этих краях редко появлялись). Они сливали из бензобаков и цистерн находящуюся там жидкость, давно ни к чему не пригодную. Потом пытались кипятить найденное в железной бочке над костром, сунув туда конец шланга. Но кроме чада и копоти и нескольких пожаров, стоивших одному из них жизни, а еще пятерым – ресниц и бровей, ничего не выходило. Окур-рок помнил, как они, накурившись ганджубаса, дули в этот шланг, услышав где-то, что для процесса нужен кислород.

«Интересно, они до сих пор коноплю уважают или *этот* им запретил?»

Но вот мотоциклетная банда, вставшая теперь под знамя таинственного Уполномоченного, проехала мимо. Следом за ней по дороге загромыхали похожие на динозавров бронированные грузовики, изрыгающие вонючий дизельный выхлоп.

Бинокль уже был не нужен. Орда ехала по деревне.

Ган-траки! Так их называла мама. Геннадьич эти хреновины называл «покемоны». В отличие от «техничек», такая техника была не у всех. Но любой, кто из себя что-то представлял, хотел ее получить. Ган-траки могли нести на себе кое-какую броню, а установленный на крыше пулемет на турели – это куда лучше, чем тот же пулемет в руках, даже поставленный на сошки. Больше обзор, точнее выстрел. Да и перевозить грузы и людей они могли.

Окур-рок насчитал их полтора десятка и сбился – уж очень хотелось рассмотреть каждый из них. Из книжки с картинками он знал все типы русских грузовиков, но эти увешаны стальными листами так, что не всегда можно было определить изначальную марку. На крышах турели – пулеметные из ЗУшек и ДШК и гранатометные, переделанные из станкового гранатомета. За железными щитками торчали в люках наводчики, водили стволами из стороны в сторону.

В стальных бортах были прорезаны бойницы. В распахнутых окошках видны были суровые небритые лица.

Некоторые из ган-траков были оборудованы бульдозерными отвалами. Там, где металл был иссечен и разорван, они были похожи на оскаленные пасти, полные неровных зубов. На двух или трех для большего сходства этот же рисунок был нанесен краской.

– Они называют их не гантраки, а «дредноуты», – обронил Бобер. – Хрен его знает, что это означает. Но моща, конечно, зверская. Это ж сколько они горючки сожгут сегодня?

Боевые грузовики чередовались с обычными, небронированными – покрытыми тентами и открытыми. В них ехали люди и везлись грузы, прикрытые рваным брезентом.

В ближайшем открытом КамАЗе ехали бойцы, набившись туда как горох. Хотя нет, их было человек двадцать, а тесно им из-за оружия и снаряги. В отличие от пацанов Рыжего, эти выглядели как солдаты прежних времен – только чуть более чумазные и потрепанные. И головные уборы были у многих неуставные – меховые шапки, балаклавы, а у некоторых и арабские платки, которые Окур-рок называл «арафатками», но мать говорила, что правильно они зовутся «шемаг». Их камуфляж был разной расцветки: от темно-зелёной до песочной. В руках – автоматы, ручные пулеметы, винтовки.

В самой середке ехали шесть «наливников» – автоцистерн. То ли все с горючим, то ли часть с питьевой водицей.

За грузовиками шли «тачанки» – пулеметные пикапы. Бобер рассказал, что гости называли их «техничками»⁴.

Их было не меньше сорока, на платформах в кузовах сидели или стояли, расставив ноги стрелки-пулемётчики, стояли цинки с патронами, от которых тянулись пулеметные ленты. Окуроч прикинул, что огневой мощи даже этих маленьких машинок хватит, чтоб разобрать все село по камушку и по бревнышку. Ехали и простые УАЗы – многие с люками в крыше, где были установлены все те же пулеметы. И несколько бронированных микроавтобусов. И даже два переделанных инкассаторских броневика, на которых раньше валюту возили.

Вслед за пикапами уже не стройными рядами, а неровной кучей ехали довольно небольшие грузовики. Окуроч узнал ЗИЛы с деревянными бортами. Почему-то от них было больше всего чада и копоти. Он не сразу понял, что в них не так. Только когда разглядел большой агрегат, установленный у каждого в кузове, похожий на печку-буржуйку. От удивления он аж присвистнул, когда на его глазах один из сидящих там чумазных людей в фуфайках отодвинул заслонку и забросил в топку связку поленьев.

Моторы этих машин работали на дровах. Тут было над чем подумать...

– Гляди туда! – тронул его за рукав Бобер. – Это еще не все! Кони!

И действительно. Наблюдая как замороженный за въездом колонны, Окуроч потерял из виду другую дорогу, которая вела в деревню. Она была более узкой и грунтовой, и по ней в данный момент, извиваясь как змея, втягивалась в Калачевку конная лавина. Сплошной поток конских и человеческих спин – первые пегие, гнедые и черные, вторые все серые, трудноразличимые – видимо, в пятнистом камуфляже.

Чем дальше, тем круче. Лошадки удивили Окуроча даже больше, чем все железные монстры вместе взятые. Потому что отремонтировать железяку при прямых руках сможет любой – только бензина ей давай. А починить дохлую лошадь еще никому не удавалось.

На всю деревню Калачевку не было ни одной клячи, да и в соседней Карловке тоже. С дальними соседями они мало пересекались, чтоб знать наверняка, но и там, скорее всего, была та же картина. Да и откуда им было взяться, ведь Гога и его шестерки отбирали себе самое лучшее? У того самого было десять лошадей и пара взрослых жеребцов. Как-то Димона даже ставили на один день стеречь конюшню: лошадей иногда пытались сожрать, и совсем не волки, и даже не крестьяне, а свои же бойцы-охранники.

Большую Зиму никакой скот на частных подворьях не пережил. И в первую очередь лошади. Ведь это сто-двести, а то и триста кило мяса. Только у крупных хозяев, и то в числе очень маленьком. Лошади – это не куры и не кролики. Плодятся они медленно, жрут траву вагонами, а дохнут от разных болячек так же, как люди.

А тут на его глазах проскакал, отбивая дробь копытами, целый табун! Больше сотни. Нет, лошадка – скотина полезная, питается почти любой травой, землю на ней можно пахать, чтоб не впрягаться самому в плуг, но как ее сохранить, если кушать постоянно хочется – и тебе, и соседям?

Почему-то это впечатлило его больше всего и заставило поверить в мощь «сахалинцев». Он и представить себе не мог, что в мире наберется столько лошадей. В конце концов, тачанки и даже пара боевых грузовиков нашлась бы у любого Гогиного соседа. Правда, даже если бы те решили объединить силы, техники набралось бы меньше трети от того, что громыхало и ревело здесь на шоссе.

Конная ватага промчалась по улочке вихрем, обойдя и обогнав тащившуюся черепахой колонну, которую что-то на минуту задержало – возможно, поломка одного из грузовиков.

⁴ Грубый перевод английского слова “technical”. Обычно так называется оборудованный пулеметом пикап.

Позади себя она оставила только конские лепешки – некоторые лошади гадили на ходу, но запах их фекалий утонул в вони выхлопных газов так же, как ржание, всхрапывание и цокот копыт тонули в реве моторов.

Всадники были крепкие, смуглые и чернобородые. По сравнению с ними даже люди из Гогиной дружины казались дистрофиками. Когда расстояние стало минимальным, ветер донес до Окурка обрывки фраз, но он мало что понял. Переговаривались на незнакомом языке... может, не на одном, а на разных. Чёрт их разберет. Впрочем, у некоторых черты лица были совсем русские, а бороды русые или даже с оттенком рыжины. Когда они хохотали, обмениваясь на скаку какими-то фразами, то скалили белые, похожие на волчьи клыки, зубы. За спинами у них висели автоматы и винтовки, к которым они явно были привычны так же, как и к езде верхом. Лошади тащили тяжелые выюки – в некоторых угадывалось оружие, другие распухли не то от продуктов, не то от какой-то снаряды... или добычи.

Один всадник, в кургузой куртке с кармашками под патроны и каракулевой шапке с плоским верхом, в котором все выдавало командира, бросил в сторону Окурка настолько свирепый взгляд, что тот сразу сделал вид, что не смотрит в их сторону.

Миновав последний из пустырей, где еще до войны ржавели старые трактора и комбайны, и проехав один переулочек, конный отряд скрылся из виду, затерялся среди двухэтажных, самых хороших домов. Видимо, там они будут располагаться на постой. Хорошо, если не будет ссор и махаловки между ними и теми, кто едет следом – из-за самых удобных мест. Хотя бы с этими мотоциклистами – вон они уже догоняют. Но это уже не его дело.

При вхождении в поселок стройный порядок армии «сахалинцев» слегка нарушился. Мотоциклы оторвались от идущей следом более массивной техники. Но повернули не к хатам, а к зданию конторы, где совсем недавно Окурочек прятался с еще живой мамой. Лишь несколько надрывно тархтящих трехколесных байков остановились на пустыре.

После небольшой задержки, вызванной, похоже, затором в узком месте дороги, колонна грузовиков тоже въехала в поселок.

Теперь их можно было рассмотреть и без бинокля.

Из люков на крышах нескольких бронемашин торчали знамена на длинных древках. По ветру полоскались широченные полотнища и флажки поменьше. В глазах зарябило от ярких красок. Окурочек видел такие только в старых книжках и журналах.

На одном флаге вышит кривой меч, похожий на полумесяц, на фоне одетой снегом горы, а рядом непонятные закорючки. На другом были скрещенные берцовые кости, а над ними ухмыляющийся человеческий череп. На третьем – уже знакомая песья голова. На четвертом – поднимающийся от земли смерч, затягивающий, как пылесос, несколько корявых желтых фигурок.

Это была грозная эмблема. Окурочек однажды видел, как возникает смерч в степи. Сначала это был маленький пыльный вихрь, круживший несколько листочков и веточек, словно резвясь. И вдруг словно заработал гигантский пылесос. Он тогда еле убежал – может, и не утащит в облака, но легко прилетит по башке обломком или раскрутит и ударит о железную опору ЛЭП. Под конец вихрь вырос до макушек деревянных столбов, которые он запросто валил, и уже из безопасного места Окурочек наблюдал, как тот прошелся по заброшенной деревне, съедая заборы, срывая избам крыши, оставляя за собой еще более обезображенный ландшафт. И так же внезапно, как возник, рассеялся в воздухе.

Мамка говорила, что раньше такого в этих краях не бывало. Только в Америке, чтоб ей пусто было.

Вблизи машины выглядели не такими гладкими и новыми – видна была ржавчина, дырки в металле и прорехи в брезенте, облупившаяся краска кабин и толстый слой покрывавшей борта засохшей грязи.

У одного крупного и зловещего драндулета кабину сверху украшала россыпь человеческих черепов, то ли прибитых гвоздями, то ли привязанных проволокой. На ветру они должны

были дрожать и постукивать друг об друга. Тут он смог определить машину на глазок – это был КраЗ. К нему была прицеплена большая пушка на колесах. Все-таки артиллерия была не самоходная. Жаль, Окуроч в ней не разбирался так же хорошо, как в машинах, и даже калибру не определил бы.

За высокими силуэтами грузовиков Димон не сразу разглядел их. А когда увидел, присвистнул. Они производили больше всего шума и лязга.

Епс-тудыть, танки!

«Нет, не танки», – поправила бы его мама. Хотя и на гусеницах.

«Как же их называют? БТРы вроде?»

Да нет, вспомнил он, БМП. Всего лишь две штуки. Но даже две – достаточно. Как и наличие лошадей, это о многом говорило. Любой рукастый механик, даже читающий по слогам, если ему в свое время передал свои знания опытный мастер, может в гараже подшаманить легковуху или грузовик так, что те еще немного проедут. А вот такую гусеничную бронированную телегу наладить – это умение нужно. И запчасти, и инструмент специальный. И вообще, говорят, любой танк или бронетранспортер, хоть и выглядит страшным, но с обычным грузовиком по запасу хода и надежности не сравнится. Поэтому и не осталось их почти, и ездят все черт знает на чем.

Окуроч с уважением смотрел на пулеметы и пушки боевых машин. Шли они с промежутком в двадцать метров. У обеих были нарисованы спереди страшные зубы – красные, будто клыки напившегося крови упыря. Вдоль борта у первой было написано «КРАКОДИЛ». И нарисованы зеленые лапы. А у второй – «АКУЛА». И нарисованы серые плавники. Окуроч никогда не видел таких зверей вживую, но подумал, что нарисовал бы лучше.

На боевых машинах сидели бойцы. Сами бронированные. Это, видимо, была типа элита. Каски, броники, наколенники, налокотники. У этих уже камуфляж был подобран тон в тон.

Позади Боевых Машин Пехоты на почтительном расстоянии ехала длинная фигона, которую обалдевший Димон вначале принял за ракетную установку. Он уже ничему бы не удивился в этот безумный день. Но нет, это был всего лишь автокран «Кировец» с люлькой, настолько облезлый и ржавый, что странно даже, как он еще двигался. Видно было, что его взяли из ближайшего города для одноразового использования. Машина дребезжала, и казалось, что мотор ее вот-вот испустит дух.

Внезапно все шумы перекрыл крик, вырвавшийся сразу из многих глоток. Окуроч с удивлением понял, что кричали односельчане. В криках были восторг и злорадство.

– Везут падлу! – пронеслось по толпе. – Везут чмо!

Все замерли. Апатичность калачевцев, которую не мог разогнать даже вид чудовищной силы «сахалинцев», как ветром сдуло. Димон увидел, что стрела автокрана начала подниматься и вскоре остановилась в вертикальном положении, так что всем было хорошо видно площадку наверху, а вся конструкция стала похожа на зверя-жирфа.

Площадка была превращена в клетку. В ней за приваренными железными прутьями сидел голый пленник. Это был старый Михаил Гогоберидзе. Без одежды он выглядел жалко – одутловатый мужик, толстый и белесый – ни дать ни взять гигантский пупс.

Издевательский гогот, похожий на конское ржание, раздался в толпе. Все увидели, что их бывший хозяин выглядит как кусок сырого мяса. На теле выделялись гематомы и грязные рваные раны, какие бывают, когда бьют сапогами или ботинками с рифленой подошвой. Лицо было красно-синим и распухшим. Один глаз заплыл и не открывался.

Когда автокран поравнялся с толпой – а ехал он теперь еще медленнее – кто-то первым кинул в клетку камень. Тот отскочил от прутьев, но тут же камни и обломки кирпича полетели десятками. Некоторые попадали. Никто не препятствовал. Толстяк даже не пытался закрываться.

– Сука! Чтoб ты сдох! – кричали ему. – Отдайте его нам! Мы его на ремни порежем! Кишки выпустим! Яйца сожрать заставим! – это уже осмелевшие жители Калачевки адресовали бойцам с «зубастых» БМП, остановившихся чуть поодаль. Те смотрели на них без выражения и не реагировали.

Особенно громко орали визгливыми голосами женщины, требуя выдать пленника им на расправу. Окурoк поймал себя на мысли, что баб он бы отсюда увел. По опыту он знал, что некоторые женщины способны на такую жестокость, которая никакому мужику не снилась, и даже хорошо, что бог им силенок не дал. Но не надо ничего у этих пацанов в брoниках требовать. Захотят – сами дадут. А орать не надо. А то у них пулеметы под рукой.

Стрела крана, а с ней и площадка с пленником, начала тем временем медленно опускаться к земле. Зрелище закончилось.

На пустыре возле бывшего поста ГАИ, где раньше была баррикада, колонна разделилась – большинство грузовиков и пикапов, предварительно высадив пехоту и частично разгрузившись, двинулись дальше, в сторону корпусов нефтебазы. Ясно, там они собирались разместиться в ангарах и кирпичных коробках. Другая часть машин растеклась по деревне, видимо, как и всадники, для размещения по хатам. «Акула» и «Кракодил» тоже куда-то укатили, пока Окурoк на время упустил их из виду.

Мотоциклисты слезли со своих «железных коней» прямо здесь и построились в неровную шеренгу. Рассмотрев их теперь получше, Окурoк заметил, что перчатки и сапоги на них тоже новые, кожаные. У каждого за спиной была «ксюха» – ментовской АКСУ. А на боку – пистолетная кобура.

Часть солдат (так про себя Окурoк называл мужиков в камуфляже) осталась здесь же. Два десятка их окружили один из открытых «Уралов», вставший на пустыре, и откинули задний борт. После чего пинками и прикладами начали сгонять на землю полураздетых окровавленных людей. Это были пленные. Руки у них были связаны веревкой или проволокой. На голову уже на земле каждому надели черный полицелoфановый пакет. Нетрудно было догадаться, что это уцелевшие бойцы карманного войска Гоги. Толпа, успевшая чуть остыть, снова взорвалась свистом, воплями, улюлюканьем и матерными шутками. Кто-то опять запустил то ли комок грязи, то ли гнилую картофелину. Но нет, картофелину бы никто не кинул, даже белую от плесени, как и гнилой помидор. Их бы скорее съели.

Пленных выстроили в два ряда возле щелястого и покосившегося деревянного забора, когда-то зеленого, но давно выгоревшего до серости. Их было около тридцати. От основной шеренги «бешеных» отделилось человек десять – среди них Окурoк узнал высокого мосластого Петьку Упыря – и вразвалочку направились в их сторону. Рыжего по-прежнему не было видно.

«Они что, больные, тут их расстреливать? – забеспокоился Димон. – А если кто-то с той стороны к стене прислонится? А если ребенок залезет посмотреть?»

Но подошедшие были безоружны. С одного из пикапов им сбросили мешок, из которого они начали доставать сверкающие на скупом сентябрьском солнце лезвия.

«Шеи будут резать, – понял Окурoк. – Или головы рубить».

Вот поэтому и не важно, что позади хлипкая стена. А пакеты – это не для того, чтоб жертвам страшно не было. И не для того, чтоб не убежали. Так палачам удобнее.

– Гляди, это Виктор! – внезапно Бобриков толкнул его локтем под ребра. – Иванов своей персоной! Надеюсь, наши ушлепки будут хорошо махать ручками. А иначе я их, собак, запорю... Виктор баловства не терпит.

Именно так они его называли, без отчества. Но фамильярничания в этом не было. Только почтение. Окурку сказали, что «Виктор» на древнем языке – это победитель.

– Ну, вот и пойдем, напомним им, как надо себя вести, – Окурoк воспользовался его предыдущей фразой, поймав бывшего сборщика налогов за язык.

Бобер чертыхнулся, но поплелся вместе с ним к народу, чтобы вправить ленивым холопам мозги.

Даже если радости не было, ее надо было изобразить. Впрочем, радость у них была. Вот как они радовались мучениям бедняги Гоги. Наверно, рады будут и приезду избавителя, который весь этот цирк им подарил.

Одиноким серый грузовик, который Окурочок сначала принял за КамАЗ, но потом посчитал «Мерседесом», приближался к ним со стороны асиенды. У машины был кунг⁵, совмещенный в одно с прицепом, несли такой огромный кузов целых пять пар колес.

Корпус был покрыт броней из листовой стали – и ее листы были очень аккуратно сварены, защищая даже дверцу кунга, к которой – она находилась на метр выше уровня земли – вела металлическая лесенка. Идущие вдоль бортов окна были закрыты бронированными ставнями. Открытым кроме лобового стекла оставалось только одно окошко. Все это чудо было выкрашено в болотный цвет, и здесь уже краска выглядела свежей. А машина – чисто вымытой, как будто ее надраили до блеска, поливая из шлангов.

Сопровождал броневик эскорт из двух «Тигров» – не танков, конечно, а автомобилей. У Окурочка когда-то была пластмассовая моделька танчика с черным крестом. Мама с усмешкой говорила, что это танк крестonosцев. Видел Окурочок и самих крестonosцев, с черными автоматами и в касках, похожих на ночные горшки.

Когда огромную машину заметили в толпе, шум и ор стихли как по волшебству. Все взгляды теперь были устремлены на нее.

О пленных на время забыли. Они так и стояли на коленях с пакетами на головах у забора, чуть трясясь, а рядом выстроились «бешеные» в кожаных куртках. Каждый получил длинный прямой клинок – уже не нож, но еще не саблю. Они разминали руки, примеряясь, некоторые проверяли остроту лезвия на досках, один точил свое брусом.

Гогоберидзе по-прежнему сидел в клетке, но уже у самой земли, опершись на прутья, чтобы не упасть. Михаил Данилович занимал почти всю клетку. Такая фигура была редкостью – все люди теперь были или сухие поджарые, как волки, или тощие, как скелеты.

Помня наказ Бобра и Окурочка, а может, от всего сердца, при приближении чудовищного грузовика жители начали махать руками и кричать приветствия – насколько они это умели. Слышно было только многоголосое «Р-а-а-а!», которое поплыло над пустырем и было подхвачено налетевшим ветром.

Впрочем, Димон знал, что это бессмысленно. Под этой броней, среди этого шума, даже несмотря на то, что в последний момент остальные заглушили моторы, эти крики – что писк комара. А их вскинутые в приветствии руки видит только водитель в кабине. Сам повелитель наверняка сидит в салоне. Но он оставил эти мысли при себе. Сказали кричать – значит, надо кричать так, чтоб голос сорвался.

Но вот КамАЗ начал маневр, выруливая, как самолет на свою стоянку. Остановился он возле здания конторы, где уже стояли несколько джипов. Там же остановился и тигринный эскорт.

Только сейчас Окурочок понял, куда исчезли два молодых калмыка. Аккурат к приезду шефа над зданием на высокой металлической мачте взвился флаг! С тем же орлом-мутантом, оружием и островом.

⁵ КУНГ (кузов унифицированный нулевого (нормального) габарита) – тип закрытого кузова-фургона для грузовых автомобилей, состоявших на вооружении ВС СССР и РФ, а также армий стран Варшавского договора. Предназначен для размещения личного состава, лабораторий, ремонтных мастерских, полевых кухонь. Широкая распространенность автомобилей с КУНГами в армии и народном хозяйстве фактически сделало аббревиатуру именем нарицательным для обозначения закрытых кузовов вообще.

А на бетонном козырьке крыльца уже колыхались на ветру те самые четыре флага, которые до этого были в ган-траках: с собачьей башкой, веселым черепом, снежной горой и голодным смерчем.

Наконец, скрытый за тонированным стеклом водитель остановил машину и выключил мотор. Не меньше тысячи глаз были сейчас прикованы к бронированному кузову.

И вот в нем с хлопком распахнулась дверца – ее открыли изнутри. Двое бойцов гренадерского роста в черных шапках-балаклавах, с портупелями, высунулись наружу, опустили лесенку, похожую на корабельный трап, и быстро сбежали по ней вниз. Затем отошли в стороны, встав слева и справа от двери, как изваяния.

Все остальные, включая палачей, застыли по струнке, такие же неподвижные, как люди с пакетами на головах. На время стало так тихо, что Окурочек понял, что слышит чье-то причитание. Это был один из пленников. Тут же к нему подошел Упырь и заткнул рот ударами сапог. Упавшего в грязь «заботливо» подняли и снова поставили на колени, прислонив к забору.

Стало еще тише. Толпа молчала, как должно молчать море в штить.

– Ну, вот мы и дома, – произнес в тишине тот самый голос, который звучал из радио. – Здравствуйте, люди добрые!

Людское море колыхнулось, но приветствий никто не кричал, потому что в этот раз не было команды. Окурочек и сам не знал, что делать – и счел за лучшее просто стоять и ждать, следя за развитием событий.

На утоптанную площадку из недр машины спустились семеро.

Первым шел кавказец лет тридцати пяти в сером камуфляже, который когда-то носили в МВД. Рукава его куртки были закатаны, так что видны были мощные мышцы. Пружинящая походка выдавала в нем человека сильного и ловкого. Кроме пистолетной кобуры у него были ножны, украшенные россыпью красных и зеленых камней. Судя по длине, в них был не нож и даже не тесак, какими были вооружены палачи, а настоящая сабля.

За ним шел, высоко задрав голову, человек среднего роста с широкой лысиной на голове и морщинистым лицом. Но возраст его было определить трудно – глаза скрывались за черными очками. Оставшиеся волосы расчесаны так, чтоб максимально маскировать лысину, лицо гладко выбрито. Кожаный пиджак украшен все тем же значком. Черные ботинки начищены до зеркального блеска, серые брюки идеально отглажены. Он чуть прихрамывал на правую ногу.

Следом шагал высокий грузный мужчина в зеленой форме довоенного офицера. Да еще не в простой, а парадной – в красивой фуражке с твердым козырьком и со штучками, которые называются аксельбанты. У него тоже был гладко выбритый подбородок, а еще пшеничного цвета усы. Из-за них и своего носа картошкой на широком лице он казался похожим на добродушного сытого моржа. Под мышкой у него был зажат кожаный портфель. Рядом со значком на груди висели несколько разноцветных медалек.

Следом спустился уже знакомый Окурочку Шонхор – шуря от солнца и без того узкие глаза и хлопая себя по многочисленным карманам, словно боясь забыть важную вещь.

За ним – и это стало для Окурочка неприятным сюрпризом, спустился не кто иной, как Слава Бурков. Он же Рыжий. Он действительно имел от природы волосы, чуть отливавшие красным – по крайней мере, когда он их мыл. Но сейчас он явно привел себя в порядок.

Его высокие сапоги, которые Окурочек видел лишь у кавалеристов на картинках, разве что без шпор, блестели еще сильнее, чем туфли у мужика с плешью. Поверх черной рубахи на нем был кожаный жилет с заклепками – но не из такой кожи, как у его бойцов, а из хромовой и блестящей. На нем крепился значок, бывший, как понял Окурочек, вещью обязательной. В левой брови болтались две серьги. Голову покрывала вязаная шапка – он нахлобучил ее, выйдя из салона.

Замыкали шествие двое мужиков лет сорока в зеленом походном камуфляже, чем-то похожие друг на друга – крупные лица, коротко стриженные, совсем не чисто вымытые, а даже

наоборот, припорошенные пылью. Только один был с резкими чертами лица и русый, а второй пощекастее и почернее. Никаких побрякушек, кроме значков, у них не было, зато на предплечье у одного красовалась эмблема с закручивающейся воронкой, а у другого – с ухмыляющимся черепом.

«И который из них Иванов? Леший его разберет».

Морщась, Димон повернулся к бывшему сборщику дани. Когда Бобер забывался, находиться рядом с ним было тошно, хотя Окурок был сам отнюдь не чистоплюй. Но одно дело не менять сопревшие портянки, и совсем другое – доставать засохшие сопли из носа и отправлять в рот, грызть ногти и отправлять туда же. А еще он с хрустом давил жировики на прыщавой, как у подростка, физиономии.

– Бобер, друг. Расскажи, блин, кто из них кто, – взмолился Окурок.

«И тогда я потерплю тебя рядом с собой еще полчаса, пока меня не вырвет».

– Этот в шапочке, с серьгами и со шрамом... Рыжий, атаман «Бешеных», – неохотно начал Бобер, выдавливая ногтем гной из очередной язвы на носу.

– Рыжего я знаю. Тот еще... чудака. И Шонхора, как понимаешь – тоже. А вот тот здоровый с усами?

«Похожий на большого моржа».

– Этот мужик в фуражке – Петраков. Михал Михалыч. Он себя Генералом называет, и все к нему так обращаются. Правильный мужик. Всех судит по-честному. Много знает. Как «прежний». Я таких людей вообще не встречал еще... Он всеми нашими войсками командует. Второй после Иванова.

– А Виктор – в пиджаке?

Мог бы и сам догадаться. Тот был единственный без оружия.

– Ага, – кивнул Бобр. – Страшный человек. Если хочешь умереть, просто поспорь с ним. И я посмотрю, как с тебя кожу сдерут живьем и на барабан натянут. Или заставят выпить флягу активной водички. Тогда кожа сама сойдет.

– Да пошел ты... Не дожدهшься, – огрызнулся Димон. – А вот тот что за чурка?

– Этот нерусский... только не вздумай его чуркой даже за глаза называть! Это Муса Ибрагимов. Телохранитель Уполномоченного и человек для особых поручений. Он нохчи. Люди его пришли с Кавказских гор. Нохчи, аварцы, ингушцы, осетинцы. Нохчи среди них самые лютые. Для них бошку отрезать – как два пальца обоссать. Он не шестерка. Он типа князя, и этот конный отряд, которым командует его племянник Магомед... тот пацанчик, который в папахе и козырной куртке с кармашками – его отряд. Но хозяину он предан как пес. Хотя псина для него нечистое животное, как и свинья. Он скорее съест змею, чем собачье мясо.

– Ну и дурак, – хмыкнул Окурок. – Нет ничего вкуснее жареной собаки. Видать, легко ему жилось. А мы с мамкой одно время только дохлыми Шариками питались. И смотрели, чтоб людоеды с Вокзала нас самих не слопали... А уж за свинину я вообще бы душу продал.

– Тсс! – вдруг зашипел на него Бобр. – Сейчас будет казнь.

Но вначале Генерал, забравшись на наскоро сколоченный из ящиков помост, произнес краткую речь.

– Жители деревни Калачево! – голос его был мощный и приятный на слух, поэтому мало кто обратил внимание, что название он переврал. – Мы представляем здесь Сахалинское Чрезвычайное Правительство: правопреемника и наследника Российской Федерации. Меня зовут Петраков Михаил Михайлович. Я генерал армии СЧП. Я говорю сейчас от себя и от имени моего друга, брата и начальника – Его превосходительства товарища Уполномоченного Виктора Иванова.

Сам Виктор не удостоил толпу даже словом, коротко кивнув. Он уже сидел на раскладном стуле, который ему принесли люди в черном.

– Пятьдесят лет назад после вероломной атаки на нашу Родину катаклизм уничтожил почти все население Земли, – продолжал Петраков. – И наших подлых врагов, начавших войну, тоже. Мир погрузился в хаос и анархию. Но далеко на востоке, на острове Сахалин сохранилось наше заблаговременно эвакуированное правительство. Эти годы были очень тяжелыми. Нам удалось сохранить там промышленную базу, сельское хозяйство для самообеспечения и наши вооруженные силы. Но включить в орбиту своей деятельности другие регионы мы пока не в силах. Все, что мы делаем – это точечные экспедиции. Наша цель – восстановление цивилизации в максимальном объеме на территории России. Не бывшей! Здравствующей! Это будет не сразу... не стану врать. Чрезвычайный совет находится сейчас в сложных обстоятельствах. Первое время вам надо рассчитывать только на свои силы. Но большое начинается с малого. Мы не можем сразу возродить старый мир. Но для начала мы должны навести здесь, на великой реке Волге, порядок. И покарать тех, кто его долгие годы нарушал, творя беспредел и произвол. Сегодня мы казним бандитов и фашистов, – Генерал перевел дух, чтобы набрать воздуха. Вся предшествующая речь была сказана на одном дыхании, – лакеев жирного кота, который сосал из вас кровь!

Окуроч не мог представить себе кота, который сосал бы из кого-нибудь кровь, разве что из мыши. Но, наверно, мышками, живущими за печкой, они все тут и были.

До него, кстати, быстро дошло, почему же так хорошо было слышно оратора. Он видел тянувшийся по помосту провод и черную штуку, которая была закреплена перед выступающим на трибуне. Микрофон. Звук, к которому примешивался треск, шел из двух больших матюгальников-громкоговорителей, которые повесили с разных сторон трибуны.

В напряженной тишине все ждали одной команды. Но приказ палачам внезапно отдал не Генерал.

– Муса, – произнес Иванов без всякого усилителя, – давайте.

Тот со звенящим металлическим скрежетом извлек из ножен саблю – семьдесят сантиметров смертельной стали. Даже на расстоянии было видно, как хорошо она отточена, как играют на ней блики. В подтверждение этого нохчи, проверяя силу удара, перерубил ей одну планку забора, чисто срезав верхнюю половину. Кусок дерева подлетел и упал на землю.

– Братишки, пощадите, – вдруг жалобно простонал один из людей с пакетами на головах. – Я же свой, местный. Вы же меня знаете! Пожалейте! Все буду делать... Искуплю! Чем хотите искуплю!

Он попытался даже вскочить, но его пнули под колено, и он завалился на бок, воя от нестерпимой боли.

– Скормите его волкам. Вот где его братишки, – посоветовала тетя Маша, женщина с лошадиным лицом в шерстяном платке. – Такое только кровью искупается!

Она смотрела на приговоренных с такой ненавистью и цедила такие ругательства сквозь зубы, что Окурочу показалось, будто при слове «искупается» она представляет, как плавают в их крови.

Нет, у нее не умирал ребенок. Те, кто терял, так себя не ведут. Так ведут себя те, для кого ненависть вместо хлеба.

И вдруг лицо женщины перекосилось, превратившись в маску, глаза закатились. Она рухнула, как подрубленное дерево, и забилась в корчах, с каждым спазмом ударяясь об землю. Из рта у нее пошла белая пена, как из огнетушителя, которая тут же окрасилась красным – то ли она прикусила язык, то ли разбила губы, дергаясь так, будто через нее пропускали ток.

Окуроч быстрым шагом направился к тетке сквозь толпу – остальные ничего не заметили, загипнотизированные другим зрелищем. Он не очень умел оказывать помощь при такой штуке, но знал, что ложку в рот совать не надо – хуже будет. Он понимал, что главное – не дать ей разбить себе голову о камни. Приподнял, снял с ее головы платок, уже окровавленный, оттер с лица красную пену и передал тетку на руки Мишке – соседскому папану лет четыр-

надцати-пятнадцати в мешковатой ветровке, круглому сироте, который тоже смотрел на судилице, не отрывая взгляда.

– Помоги, у нее пилепсия, – и погрозил кулаком, мол, только забей на мою просьбу.

– Помогу, дядя Дима, – шепнул стервец, укладывая женщину на землю так, чтоб не задыхалась. – Если в отряд возьмете.

«Да откуда он знает? Я ж, блин, еще никому не говорил! – обалдел от такого коленкора Окуроч. – Ладно... стрелять вроде умеет, высоченный, хоть и мосластый. А пару лет можно ему накинута для сурьезности. И все же надо потом узнать у паршивца, как он догадался...»

– Не гони лошадей, – ответил он пареньку. – Нас самих еще не взяли. Но если возьмут, замолвлю словечко за тебя. Ты вроде пацан надежный.

Разговор занял всего минуту, но именно в это время все и произошло.

Димон не смотрел в ту сторону, когда раздалась команда, произнесенная с легким акцентом:

– Руби!

И этот звук, который он запомнит надолго... Когда Димон повернулся, ножи уже поднимались, окровавленные. Головы не отлетели, но из перерезанных шей кровь забила фонтанами, часть в пакеты, а часть убийцам на сапоги. Тела попадали на землю. У троих или четверых головы удержались только на хребтах, и крови натекло, как из кабанов.

Окуроч увидел, что Гога, смотревший на казнь своих людей круглыми от ужаса глазами, вдруг обмяк и начал заваливаться, повиснув на прутьях решетки.

«Кондрашка хватила», – подумал мужик.

Но нет, тому не повезло умереть – он просто потерял сознание. Двое «бешеных» сразу вылили на него полведра воды, приведя в чувство. Гога подскочил, дико озираясь. Судя по взгляду, старикан был в шаге от помешательства. Еще немного, и не будет понимать, где он и кто. В его случае это было бы везением.

Когда последний из убитых перестал дергаться, тела быстро оттащили за ноги и скидали в стоявший наготове прицеп, даже ничем не накрыв. Сделав это, палачи заняли место в общем строю. Их хлопали по плечам, они обменивались с товарищами шутками и прибаутками.

– Тихо всем! – прогремел над пустырем голос Генерала. – Мы еще не закончили суд! – Он повернулся к трясущемуся Гогe, который обмочил бы штаны не раз, если бы ему их оставили. – Теперь твоя очередь! «Врагов же моих, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите и избеите предо мной», – громовым басом продекламировал Петраков. – Евангелие от Луки, девятнадцатая глава.

По его знаку начались какие-то странные приготовления. Автопогрузчик, в кабине которого сидел один из «бешеных», привез в своем ковше четыре покрышки разных размеров. Покрышки были выгружены у дороги, где стоял железный столб со знаком ограничения скорости.

Голый толстяк с брылястым обрюзгшим лицом бульдога затрясся, догадавшись, что его ждет.

– Или что? – продолжал Генерал. – Вы скажете, его уже избии? Ну, тогда я разочарую нашего дорогого гостя. «Избить» – в данном контексте означает убить. Как царь Ирод избил младенцев. Он же не по попке их отшлепал, нет. Книга-то старинная и язык старинный... Наказание нарушителю человеческого и божеского закона одно – смерть!

Генерал сделал жест рукой, и двое дюжих бойцов в черном – те самые, которые стояли почетным караулом возле лесенки – подошли к клетке и сняли с нее большой навесной замок, который цепью удерживал несколько прутьев. Получившейся «дверцы» было явно недостаточно для массивного Гоги, и его буквально протаскили через нее, ободрав кое-где кожу и волосы. Тот лишь слабо взвизгнул. А дальше бывшего правителя шести деревень подволокли к столбу и приковали той же цепью за руки. Он мгновенно повис на ней, удерживаемый только

своими оковами. Но оставался в сознании – глаза бешено вращались, взгляд перебегал от толпы к Генералу, от Генерала – к шинам.

В воздухе пролетел камень и шлепнулся у ног Гогоберидзе.

– Не надо, люди добрые, – улыбнулся Генерал. – Еще раз так сделаете... и компанию ему составите. Пусть кинет только тот, кто без греха. А кто из нас без них, ха-ха?

Люди в черном появились у Гоги за спиной как призраки. Окурочок, кажется, понял, зачем им маски-фантомаски. Так страшнее. Зрители видели, как они наливают внутрь каждой из покрышек что-то из канистры – скорее всего, бензин. Гога не видел, но догадывался, слыша журчание.

Дорожка горючей жидкости протянулась к тому месту, где стоял теперь Генерал.

Вслед за этим один из здоровяков нахлобучил на пленника все четыре покрышки. Четвертая закрыла его так, что сверху осталась торчать только голова.

– Это называется «ожерелье», – понизив голос, произнес Генерал. – На далеком юге... есть континент Африка. Там жили люди, черные как ночь. И вот так они расправлялись со своими врагами! Мы немного изменили способ. Обычно используется одна шина. И человек умирает долго. Но мы более гуманные.

У молчавшего до этого в немом ужасе Гогоберидзе внезапно раскрылся рот, и он начал визжать, как поросенок, которого колют – именно поросенок, а не взрослый боров. Окурочок разобрал в этом истошном вопле всего одно слово: «Пожалуйста!». Правда, звучало оно как «Позязюзя!». Но тут один из людей в черном засунул бывшему барину в рот тряпку и еще замотал сверху веревкой, чтоб не выплюнул.

– Порядок и закон – это то, что отличает нас от животных... – Генерал, видимо, хотел сказать что-то еще, но сам Виктор Иванов внезапно поднялся со своего стульчика. Генерал мгновенно замолчал.

– Давайте уже к делу, – Уполномоченный достал из кармана своего пиджака зажигалку и чиркнул, поднеся ее к клочку бумаги.

Все произошло так же быстро, как и с отсечением голов, но в этот раз Окурочок видел все от первой до последней секунды.

Горящая бумажка, которая была похожа на старую банкноту, упала на бензиновую дорожку, и маленький веселый огонек побежал в сторону столба с обреченным на смерть. У его подножья уже натекла большая бензиновая лужа, и пламя взвилось вверх, охватив сразу все покрышки, которые сначала вспыхивали изнутри, а потом – снаружи.

В этот момент Окурочок позволил себе отвести взгляд. Ничего интересного в таком зрелище он не видел, в отличие от многих остальных. Краем глаза Димон заметил, что на объятую огнем фигуру жадно глазают все «сахалинцы» и почти все жители Калачевки, пришедшие их встречать – от мала до велика, и даже беременная Танька Петрова.

Захлебывающийся утробный вой, которому и кляп не помешал, продолжался почти пять минут, а потом затих. Дальше был слышен только противный липкий треск. И поднимался к небу столб жирного, чадного дыма.

«Хорошо, что ветер дует в другую сторону», – подумал Димон.

– Пойдемте, товарищи, гореть будет долго, – прозвучал голос Виктора. – Вон сколько жиру накопил.

– Заступник наш! – крик был настолько громкий, что перекрыл даже этот страшный треск. – Бог тебя благослови!

Иванов обернулся. Кричала молодая женщина в заплатанной куртке и галошах, державшая на руках крошечный сверток из старого байкового одеяла.

– Спасибо вам! Спасибо, что вы пришли! Можно, я сына в честь вас назову?

Димон узнал ее. Верка. Дочка покойной Семеновны, учительницы. Сама почти блаженная. Козел какой-то ее обрюхатил и бросил одну. Тяжело ей жилось, голодно. Ребенок жил

только за счет того, что из нее все соки вытягивал. Она на скелет похожа стала. А все только головами кивали с сочувствием, но даже куска хлеба не давали.

Виктор отдал короткое распоряжение, и двое подручных в черном, легко раздвинув толпу, по образовавшейся дорожке привели женщину к нему.

– Мальчик? – переспросил Уполномоченный. – Это хорошо. Назови, разрешаю.

Он погладил ребенка по головке и улыбнулся его матери. Но совсем не так, как улыбался Генерал. У того в улыбке была какая-то лихость, разухабистость – типа, держите меня семеро. А здесь было что-то совсем другое. Но что именно, Окурку не позволяли сформулировать ни его ментальный уровень, ни его словарный запас.

– Дайте им козу, которую взяли в имении, – громко произнес Иванов.

Рассыпающуюся в благодарностях женщину, ребенок которой вдруг начал хныкать, увели прочь. Следом за ней один из бойцов в камуфляже нес, грубо держа под брюхо, истошно блеющую козочку.

«Щедрый подарок. Много молока будет давать. Хороший он, видать, человек. Не то что этот мудака Гога... Хотя все-таки не по-людски с ним обошлись – зажарили. Лучше бы честная пуля или нож...»

– Калачевцы, пока вы свободны, – объявил Уполномоченный, взойдя на трибуну, с которой уже сошел Генерал и занял место в общем ряду командиров. – Мы сегодня будем отдыхать с дороги. Завтра расскажем, что нам от вас нужно. И еще... – он обвел глазами толпу – и вооруженных, и безоружных, внимательно, будто пытаясь заглянуть в душу каждому. – Никакой старый мир мы возрождать не будем. Было бы о чем жалеть! *Там мужчины были как женщины, а люди – как животные. Забыли бога. Забыли свой род. Трахались как свиньи. Своих детей продавали на мясо врагам.* А мы построим новый... где будет все путем. Мы – это СЧП. Нам платят налог уже пятьдесят городов. А будут еще больше. С нами отряды «Цербер», «Череп», «Казбек» и «Смерч». Видите этих ребят? Вы их не бойтесь. Они друзья ваши. А сейчас по домам, детки. Ветер сменится, и тут будет плохо пахнуть.

После этих слов они удалились. Окурки видел, что командиры в сопровождении примерно сотни бойцов из разных отрядов направились в сторону корпусов нефтебазы. Видимо, смотреть, как разместили там технику и как разгружают грузы. Остальные «сахалинцы», кто еще оставался на площади, начали разъезжаться и расходиться.

Теперь всем калачевцам стало ясно, кто на самом деле вождь. Иванов, на которого поначалу было направлено куда меньше взглядов, чем на Генерала, был гораздо невзрачнее его и голос имел монотонный, а глаза – водянистые и бесстрастные. Но каждое слово его – как гвоздь, вбиваемый в доску. Каждому слову невозможно было... да и не хотелось возражать. Невозможно было противиться.

Поэтому все, кто помнили довоенный мир, сразу увидели в нем что-то, аукнувшееся в душах. Но и те, кто родился в пустыне и не помнил ничего кроме пустыни, почувствовали прилив симпатии к этому человеку. «Вот такой не подведет. Такой сразу скажет, что нам делать и куда идти», – подумали они, и мужчины, и женщины, и даже дети.

Люди уже начали разбредаться, когда на трибуну забрался зам по тылу Шонхор Борманжинов и объявил, что завтра на этом же месте в это же время будет раздача трофейных излишков. Тогда же будет объявлено о новых обязанностях и повинностях.

Лица деревенских просияли. Люди приветствовали это объявление восторженным гулом. Жизнь становилась все лучше и лучше. А повинностями их было не напугать – привыкли.

Дым поднимался к небу. Там, где пролилась и ушла в землю человеческая кровь, жужжали черные мухи.

Глава 3. Добровольцы

Окурок уже думал, что новые хозяева о них забыли, когда явился один из тех двоих спутников Виктора, которые шли последними и носили камуфляж. Если один из них, кожей немного желтее и чем-то похожий на Борманжинова, был мелким и вертким, то второй был настоящий верзила. Щеки как у бульдога и весу больше центнера. А кулаки такие, что лучше под них не попадать.

– Здорóво, мужики. Я Марат Нигматуллин. Командир «Черепá». Можно просто Марат. Вас ко мне прикрепили. Ты теперь сержант – сказал он Бобру, – а ты старшина, – это уже он Окурку. – Об этом распорядился лично Сам.

В разговорах между собой они называли «Сам» только одного человека – Виктора Иванова.

– Через три часа ждем вас всех на южном блокпосте. Бойцов мы запишем в отряд, а тебя, Дмитрий, хочет видеть Генерал.

С этими словами Нигматуллин их покинул. Он не дал никаких лычек, шевронов или погон. Может, выдадут позже, а может, еще не придумали. Все-таки это была не настоящая армия, как в прошлом. Хотя во всем остальном – почти как всамделишная.

Зато пришедшие с ним бойцы из службы Шонхора в замурзанных бушлатах принесли два мешка вещевого довольствия. Одежда, обувь, амуниция. Оружия пока тоже не давали. Им заведовал другой человек, со странным названием «начвор».

Окурок сразу понял, что подсобные рабочие с этих грузовиков стояли на самом низу иерархии сахалинской орды, даже ниже «сестер», хотя их командир Шонхор и имел вес. Все остальные машины стали на прикол в ангарах и гаражах, а эти со своими дровяными двигателями (которые звались газогенераторными), работавшими на дармовом топливе, суеились как пчелки, а их экипажи выполняли всю черную работу.

Хотя им в помощь Борманжинов, уже не дожидаясь завтрашнего дня, начал привлекать местных – именно так вместо смешной баррикады меньше чем за сутки построили три бетонных блокпоста, пока небольших, но одинаковых.

Про «сестер» – тут разговор особый. Окурок только недавно заметил среди орды женщин. Видимо, они ехали в кузовах и в дороге не высывались. Их было около тридцати или сорока. Он так и не понял, были они сведены в отдельное подразделение или раскиданы по разным, но старшая у них определенно была – здоровая, коротко стриженная бабища по имени Ольга. Это были медсестры, врачихи, поварихи, obsлyгa. Но некоторые (а может, и все) вдобавок к этому владели оружием. У одной-двух он видел снайперские винтовки. Их знак представлял собой красный крест, лежащий на боку, как буква «Х». Не удивительно, что Димон сначала их не заметил. Одежда у них была мужская, мешковатая, волосы или коротко подстрижены, или убраны под шапки. Да и не все из них были симпатичны. Хотя «на вкус и цвет», да и на безрыбье, как известно...

В главный лагерь, который расположился в отселенной части деревни, захватив и территорию нефтебазы, «добровольцев» не пустили даже с их собственными стволами. К вопросам безопасности прищельцы подошли основательно – и на каждом въезде стоял пост с железной бытовкой для дежурных. Рядом спешно сооружались загородки из бетонных блоков с колючей проволокой. Ржавой, но такой же цепкой. Стоявшие там бойцы внимательно следили, кто куда ходит и ездит. Даже за своими.

К этому времени все рекруты были уже в сборе. Даже Комар, притащивший с собой винтовку СВД, которую он называл «Светочкой», и свой рюкзак, где явно нашлось место и парочке его любимых журналов.

Они остановились в опустевшей хате, где Окурочек когда-то жил с матерью. Дом был так же убог и запущен, как и соседние – в последние годы старушка сильно болела, и ей было не до ремонта. А сам он мало ей помогал, пропадая целыми неделями – и понял он это только теперь. Крыша протекала, фундамент сыпался, полы кое-где сгнили, печь топить было почти невозможно, настолько велики были в ней щели.

С большим трудом почти двадцать человек набились в неказистое жилище.

– Я не понимаю, с каких это щей ты уже старшина, – опять завел свою шарманку Бобер, когда чужие ушли. – Я помог им Гогу захватить, а ты всего-то своих собутыльников собрал.

В ответ на это крестьяне и старатели разразились злорадным хохотом. А кто-то из стоявших позади бросил в Бобра гнилой капустной кочерыжкой. Еще один попытался поставить подножку, когда Бобер проходил мимо, и тот чудом не упал.

Бобер злился до бешенства, потому что стал вдруг подчиненным у того, кого считал ниже себя. Но резких слов сказать не мог. После того, как к Окурочку подошло подкрепление в виде девятерых мужиков из Калачевки и еще шестерых без труда завербованных им бродяг-старателей с окраины Сталинграда, Бобер стал тише воды ниже травы. Потому что понимал – ему ничего не простили.

Мысль, что тому пора валить, Дмитрий популярно пытался донести до Бобра. И в этом ему помогали Семен, Лежа-большой, Иваныч, Никифоров-старший и остальные, создавая бывшему сборщику дани обстановку такой моральной травли, чтоб ему в петлю залезть захотелось.

– Старшина, говоришь? А это потому, что они видят во мне эту... потенцию, – сказал Окурочек, ухмыляясь и примеряя новые ботинки с высоким берцем. Даже росту малость прибавили. – Не, во: потенциал! А в тебе, видать, не разглядели.

Приятно было утереть нос этому гаденышу.

«Это потому, что они видят во мне воина, а в тебе жирную пиявку, – подумал он про себя. – Полезную пока еще, но которую всегда можно раздавить».

Когда они в очередной раз сделали Эдику гадость, подсунув табуретку со сломанной ножкой, так что тот грохнулся затылком об пол и чуть не убится, до Бобра наконец дошло, что ему тут не рады. Не сказав ни слова, он встал, развернулся и вышел за дверь, хлопнув ей со всей дури.

«Скатертью дорожка. Пусть валит в другой отряд. К этим чумазым, которые деревяшками машины топят, там ему место. А то здесь мы его пристрелим нечаянно».

А через пять минут, когда ржач, сопровождавший уход Бобра, еще не утих, в дверь зашел Мишка. Он угрюмо смотрел то на одного, то на другого взрослого рекрута, словно готовый в любой момент принять вызов и драться за уважение в новой стае. Он опасался, что смех адресован ему. Но его пока никто не задирал.

По правде сказать, все сами ощутимо мандражировали: вдруг не примут? Вдруг в рабы запишут, а не в солдаты?

Все знали, что дед Мишани воевал против пиндосов и погиб года за три-четыре до наступления Большого-Этого-Самого.

«Видать, хочет продолжить фамильную традицию, – подумал Димон. – Но пиндосов-то для него где взять? Есть они еще на свете или вымерли как слоны или мамонты?»

Если поход будет, то явно поближе. Куда? А бог знает. На запад, к Центру? На юг, поближе к Кавказу? На восток? В Казакстан? К татарам? Или дальше – на Урал? Ну нет, что они там забыли... Не ближний свет.

Хочет стать великим воином. Убивать врагов, грабить их дома и насиловать их женщин. Дуралей.

«Хотя кто в пятнадцать не хотел брать женщин силой? – философски подумал Окурочек. – Особенно если девчонок в деревне мало, а сам ты костлявый чудик и заикаешься через слово?»

Впрочем, он почувствовал к Мишке что-то вроде симпатии. Своих сыновей у Димона никогда не было, да и не мог он их иметь. А парнишка был неплохой. Этот, скорее, не насильничать хочет, а жену себе украсть, как много где теперь принято.

От Михаила, который был глазаст и привык лазить где ни попадя, Окурочек узнал, что не все у чужаков так гладко, как кажется. Многие машины шли пустыми. У многих тент, борта, стекла или стенки кабины пробиты пулями. И народу у них не так много, как они вначале подумали. Видать, людей недобор. Не больше шестисот человек, включая «бешеных», которые примкнули к ним недавно. Хотя если посмотреть на тачки, то можно подумать, что их все полторы тыщи.

А если у них впереди намечались новые лихие дела... значит, им нужна свежая кровь и свежее мясо. И они не откажутся принять десять-двадцать... а то и тридцать крепких деревенских парней, умеющих стрелять, добывать себе еду и переносить тяготы походной жизни.

Стол был богатый, такой не каждый день увидишь. Каждый принес, что мог. «Сахалинцы» не препятствовали передвижению жителей по деревне. Им на это было, похоже, наплевать. В доме Окурочка собрались типа на поминки, но одновременно для важного дела. Пили за помин души усопшей бабы Стефании и обсуждали детали своей будущей службы. После атома, зимы, голода и мора похоронные обряды упростились до предела. Хоронили обычно почти сразу же после смерти без всякого бдения, а простенькую поминальную трапезу устраивали всего раз.

На потертой скатерти стоял неразведенный спирт в стеклянной банке, пластиковая бутылка самогона, кастрюля с вареной рыбой. К ней была перловая каша. В горшке исходила паром тушенная зайчатина с картошкой, с укропчиком – все следили, чтоб никто не таскал себе слишком много, и чуть что лупили ложкой по рукам. А могли бы и по бестолковке. Из ржаной муки испекли пирог с голубятиной. А жестких ворон Окурочек отдал соседским ребятишкам – пусть жарят, не жалко.

Тут же стояли квашеная капуста, соленые огурцы. Вилочек не было. Вилки на столе на поминках – это вилы для покойника на том свете.

Естественно, они не сами это приготовили. Соседка Танька – не брюхатая, а другая – постаралась. Окурочек ее за это отблагодарил, прислонив к стенке и как следует отжарив тут же в соседней комнате, пока остальные хрустели огурцами и расхватывали нематыми руками куски дрожжевого пирога. Она была только «за». Явно хотела прибиться поближе к мужику, который, как она считала, шел к успеху. В этом жестоком мире одинокой женщине труба. А ее муженек как раз недавно отбросил копыта.

Может, у нее были далеко идущие планы, но Димон ничего не обещал. Женитьба пока подождет.

Ели в основном из металлических тарелок, хотя в доме был фарфор. Просто так им привычнее было. Некоторые принесли с собой железные миски.

Старателям обстановка домика казалась уютной после привычного им быта – они на вылазках пропадали днями. Тут был ковер на стене, пыльный хрусталь в шкафу, пережившем, как говорила мама, две мировых войны. Все еще аккуратно застеленные кровати, диван и два продавленных кресла. Окурочек следил, чтоб ничего не портили и не гадили.

На столике стоял под плетеной скатеркой, как украшение, цветной телевизор «Сони». Тут же был магнитофон-кассетник, он лет десять назад сломался, и радио, на котором старушка тщетно пыталась что-то поймать, но так и не сумела. Все эти вещи, как объясняла мама, перестали выпускать лет за десять-двадцать до войны. У себя дома до войны она жила куда комфортнее. Но она сохранила интерьер нетронутым, когда они пришли в эту деревню как бродяжки-беженцы и поселились в пустом доме. Бывший хозяин умер от радиоактивных осадков, «добрые» соседи пустили их с условием, что они будут пахать как проклятые и отрабатывать

за них часть барских трудодней. Так прошло его сознательное детство. Так он заработал свои мозоли на руках, а мать – подорвала остатки здоровья.

В одном углу висело зеркало, сейчас по обычаю занавешенное. Иначе злые души будут мельтешить, и к себе затащить могут. В другом углу – иконы... в последние годы мамка очень ударилась в веру в Христа, и Димон приносил их из вылазок.

Это было странно. Ее соседки-бабки обычно верой особо не заморачивались – когда случился Великий-и-Страшный-Писец, они были сопливыми девчонками, и никто им этой религии не передал. Постарев, платки носить стали, потому что так теплее, а молиться и веру соблюдать – нет.

А она, хоть и была образованная (академию закончила! в Москве!), выходит, верила. В жизнь вечную... Чаяла воскресения мертвых... Пока жив был поп, ходила в церквушку. Которая стояла заброшенной с тех пор, как тот умер от гангрены лет двадцать назад.

Сам Окуроч в высшие силы не особо верил, а уж в оживающих покойников – тем более. Пока ни один на его глазах не поднимался, даже те, кого он сам уложил. Но крест на шею носил, раз мама подарила. Еще один был выколот у него на бицепсе. Но это бес попытал связаться с «бешеными».

Впрочем, трапеза за столом была совсем не благодатная. Стоял мат-перемат, отпускались пошлые шутки, в воздухе висел едкий запах махорки. Кто-то уже готов был достать карты, и совсем не географические, а порнографические. Народ был немного зол, что Окуроч запретил напиваться в дым. Но если привести всю ватагу на «собеседование» лыка не вяжущими, о службе можно забыть.

Давно не беленая печь была растоплена, и на ней сушились портянки. О том, что такое носки, теперь мало кто знал. В сенях стояли кучей сапоги: кирзовые, резиновые и самодельные из оленьей или бычачьей кожи. У стены были составлены ружья и винтовки, на гвоздях висели пятнистые куртки, заляпанные грязью. У кого не было камуфляжа – пришли в однотонной зеленого или болотного цвета рабочей одежде. У Иваныча была доставшаяся от отца форменная куртка ДПС, с которой он даже не спорил эти буквы.

За окном, забитым фанеркой, со стороны блокпоста неслась музыка: «Мальчик хочет в Тамбов, ты знаешь чики-чики-чики та!» Припев повторялся два раза. А потом: «Но не летят туда сегодня самолеты, и не едут даже поезда!» И опять, по новой...

Тамбов... Димон понял, что слышал это название города. Ага! Это на севере. Километров пятьсот. Окуроч вспомнил, как он не дошел до него совсем немного, но там возле железной дороги радиация слишком большая нарисовалась. Наверно, что-то вылилось. Он туда не полез.

У Миши была только стеганая куртка с ватной подкладкой. Окуроч велел ему снять ее в сенях и повесить на гвоздь – мамина вешалка давно сломалась под тяжестью шмоток. Про себя он подумал, что это не порядок: у всех остальных или был свой камуфляж, или они получили его от щедрот Шонхора, и только пацан оказался в рабочей фуфайке. Было бы время, подобрал бы ему что-нибудь из своих запасов, но все они в нычке за городом, в материнной хате он ничего не держал, чтоб ее не подставить. А сейчас уже пора идти. Три часа пролетели очень быстро. Раз уж им сказали явиться, не следовало заставлять гостей... вернее, новых хозяев ждать.

– Мишка, ты не передумал идти в отряд? – понимая, что зря тратит время, спросил его Окуроч.

– Конечно, не передумал, дядя Дима.

– Так ведь власть же сменилась вроде, – попробовал убедить его Окуроч. – Налог уменьшили. Халяву раздают. Мэр вон приехал. Прикиньте, мужики, настоящий Мэр будет!

Видел он этого «Мэра-Губернатора».

Правитель города Заволжска Сеня Павловский, он же Семен Палыч, он же Палач, был высоким кряжистым мужиком с большими кулаками, поросшими седым волосом, с мясистым красным носом и широкой лысиной, обрамленной кружком уцелевших волос. Он приехал чуть

позже основной орды на облезлом джипе и к жителям Калачевки вышел одетый в серый пиджак с накладками на локтях и в чуть засаленные брюки. На ногах блестящие штиблеты. Еще был полосатый галстук и почти белая рубашка. Он, как говорили, раньше был хозяином поселка с населением в три тысячи душ. Поселок назывался городом, а по сути, был деревней, кормившей себя кое-как. Продукта хватало для правителя, его семьи из четырех жен с кучей детей, трех десятков «милиционеров» и стольких же мужиков и баб господской челяди. В общем, копия Гоги, только русский. Был он господином для жителей и настоящим владельцем всего имущества Заволжска, пока туда не приехало СЧП.

Свою вотчину Павловский предоставил в распоряжение Уполномоченного без разговоров и даже без торга и в дальнейшем помогал заниматься мирными делами на присоединенных территориях. Другим начальникам орды такие дела казались «скучными». Поэтому-то его и прислали сюда.

– Вы что, дядя Дима, думаете, я ребенок? – обиделся пацан. – Хоть с Бобром, хоть с этим х. лом... тут жизни не будет. Я этого Мера первый раз в глаза вижу, но уже понимаю, что он козлище. Дань уменьшили, а потом снова по полной введут. Обратно будет плохо. Обратно будем голодать. Мы тут не люди, а рабы. А в отряде я человеком стану. Если выживу. Воином. Добычу буду брать с боем, по-честному. А не повезет, и завалят враги – так на то и судьба. Лучше так, чем здесь гнить.

– Дело говоришь! Молоток! Держи «пять»! – подхватили взрослые, поддерживая пацана и хлопая его по плечам. – Мужик!

Мальчишка аж покраснел от счастья.

Да и говорил он совсем как взрослый, впрочем, взрослыми теперь становились очень рано. Новое время просто не давало времени на беззаботное детство.

Через пятнадцать минут (часы Димон всем показал с деланной небрежностью) они были у поста на южной оконечности лагеря, который, судя по корявой надписи, назывался «КПП южное».

Только сейчас Окурок оценил, что поставили эти блокпосты с таким расчетом, чтоб нельзя было пройти незамеченным. Вдоль «периметра» вырубili все высокие кустики, убрали весь хлам и сломали все заборы и сараи, чтоб получившаяся полоса шириной метров в тридцать прекрасно просматривалась в обе стороны. И простреливалась. Уже строились и смотровые вышки.

Вдоль границы занятого чужаками участка как раз лениво шел патруль: два бойца в мохнатых меховых шапках и такая же лохматая черная собака. Псина злобно рыкнула на Окурка. Если бы он недавно не набил желудок зайчатиной, у него потекли бы слюнки при виде этой упитанной животины. Очень уж вкусны жаренные псаки. Он слышал, что «сахалинцы» привезли с собой целую свору – не меньше десяти кобелей и сук. Животные это были злющие и умнющие, ничуть не хуже их диких, вернее, одичавших собратьев. Если верить слухам, псарня располагалась не на территории бывшего совхоза, как конюшня, а где-то рядом, в одном из дворов. Кормили животных мясом.

Рядом с постом на железной треноге стоял прожектор, сейчас выключенный, да и похоже не подсоединенный к источнику тока. А еще была насажена на металлическую ограду голова с вытарашенными глазами. Их никто еще не выклевал. Присутствие людей, собак, шум от проезжающих в обе стороны машин отпугивал даже самых наглых ворон. С большим трудом Окурок узнал в голове то, что осталось от Лехи Белкина. Среди охранников Гоги он был одним из самых нормальных и часто давал курево и жратву, не в долг, а просто так. Именно он нарушил тишину во время казни мольбой о пощаде. Он действительно был местным, хотя не только он один, и где-то в деревне жила его мать. «Интересно, видела ли она это?»

– Стой! – возле самого шлагбаума добровольцам внезапно перегородил дорогу молодой чернявый парень с эмблемой «Казбека», в наглухо застегнутом бушлате и берете на голове, перепоясанный ремнем. – Кито такой? Куда идэш?

– Димон, скока лет, скока зим! Пропусти их, Ахмет, – раздался знакомый голос, и из сторожки к ним вышел Упырь собственной персоной, жующий сушеную рыбку. – Это свой. Его ждет Генерал. И Мустафа-хаджи тоже ждет. Остальные тоже пусть проходят.

Упырь был тощий и имел яйцевидную голову и глаза чуть навывкате. Глаза у него иногда дергались. Говорили, что он нюхал какую-то токсичную дрянь. За ним стоял толстобрюхий мужик по кличке Компот и еще двое незнакомых «бешеных». Или теперь их надо было «пер-берами» называть? Все при полном вооружении, автоматы на ремнях, но вид расслабленный. Крутые, блин, нашлись.

– А... понять, – кивнул парень и отодвинул шлагбаум из железной трубы. – Проходитэ! Оружия оставьтэ в караулка.

– Ну, привет, Петруха. Это откуда такой лось взялся? – спросил Димон старого кореша, указывая на удаляющегося бойца-постового.

– Шайтан его знает, – пожал плечами Петька Упырь. – С какой-то долины в горах. Все вокруг их подошли, они одни там остались и куковали лет сорок, думали, что всех праведников Аллах к себе призвал, а они нагрешили. Ихнего языка никто даже в «Казбеке» не понимает, но по-нашему он быстро балакать наловчился, хоть и коряво. Говорит, старики научили в детстве, но подзабылось.

– Скажи ему, что голова завоняет скоро, – хмуро бросил Окуроч.

– А он тебе ответит «новый отрэжим», ха-ха, – ответил Упырь, и «бешеные» заржали, как кони, так что забряцала их амуниция. – Да это не он придумал ее тут насадить. Так командир сказал! Чтoб все ходили и трепетали... А круто мы их порвали? Как тузик грелку. Всего трех человек потеряли, да и то салаг, которые сами под молотки вылезли.

– Это за весь бой, что ли? – Окуроч понял, что речь шла о вчерашнем штурме.

– Настоящего боя и не было. Все сделали диверсанты. Ну, лазутчики. Сняли часовых, захватили все три танка, в землю врытых. Пулеметы с них развернули. Окружили казарму, всех там покروшили в капусту. Гoгу поймали то ли в койке с одной из его шмар, то ли на горшке тужащимся. Только человек десять с Королёвым закрылись в доме прислуги и сдаваться не хотели. Тогда по ним пальнули для острaстки из пушки. Самому Королеву тоже ожерелье дали примерить. Прямо у асиенды. Ох и орал он... Я его спрашиваю: «Че, больно тебе?» А он не отвечает, знай себе вопит...

Это хорошо, подумал Димон. Человеку человеческая смерть, а собаке – собачья. Впрочем, никакая собака не сравнится по подлости с гадом, из-за которого Окуроч когда-то едва не расстался с жизнью.

– Вы еще успеете поговорить, любезные! А сейчас попрошу внимания, – из вагончика вышел еще один человек. Голос его, хотя и выдавал почтенный возраст, звучал властно и твердо, почти как у Уполномоченного. Это был высокий седобородый старик в светло-зеленой камуфляжной куртке, раньше такие носили военные стран Наты, с которой Россия воевала. На голове у него была арафатка, намотанная на манер чалмы и делающая его похожим на джинна из детской книжки. – Салам алейкум. Можете называть меня Мустафа Ильясович, а можете – Мустафа-хаджи. Как вам ближе. Я зам по личному составу. Замполит. Ну и еще иногда по огневой подготовке, но это для души.

Несмотря на почти коричневую кожу, говорил он без акцента, а речь была, как у «прежних» – грамотная, хоть обзавидуйся.

– Вы меня извините, у меня мало времени, – продолжал восточный человек. – Поэтому я посмотрю на вас прямо здесь. Становитесь в шеренгу, пожалуйста. Не обязательно по росту.

После недолгой заминки добровольцы встали в ряд. Мустафа Ильясович прошел вдоль строя и перекинулся парой слов с каждым. Видно было, что взгляд у него цепкий и все он замечает, даже то, что у одного шнурки на берцах плохо завязаны («Завяжи, а то упадешь, мил человек»), а у другого куртка мала («Попроси поменять, родной. Лучше взять на размер больше, всегда можно затянуть»).

Чуть дольше он задержался возле Иваныча, самого старшего из них. Хотя, конечно, по сравнению с самим Мустафой, который явно захватил еще живого президента, тот был сущий мальчик.

– Болит? – спросил «джинн», после того как секунд десять всматривался в желчное лицо пятидесятилетнего добровольца.

– Ага. Бывает иногда.

Внезапно Мустафа ткнул его пальцем в грудь. Ткнул несильно, но Иваныч согнулся от боли, лицо побелело.

– Плохо. Совсем плохо, – пробормотал замполит. – Ты и без войны скоро совсем мертвый будешь. Канцер у тебя. Или рак, говоря по-простому.

Окурочек знал, что такие подозрения у немолодого вдовца с соседней улицы давно были. Но в Калачевке врача не было, а личный доктор Гоги крестьян смотреть бы не стал (поэтому никто не жалел, что того врача убили при штурме).

– И пусть, – с жаром ответил Иваныч. – Все мы один хрен подохнем. Возьмите в отряд. Год-два у меня есть. А больше и не надо. Хоть умру человеком. Я стрелять умею. И с винтовки, и с автомата. И гранаты кидать могу, и ножи.

– Да будет так, – Мустафа-хаджи кивнул. – После меня вас еще Ольга посмотрит. Она начальник медицинской службы, начмед. Женщина, конечно, не человек... но она очень умная женщина. Она не будет возражать. Я скажу свое слово за вас.

Последним стоял Мишка. Возле него Мустафа тоже задержался чуть дольше.

– Ты хочешь сказать, что тебе восемнадцать, сынок? Я думаю, ты лжешь, – улыбнулся добрый старичок. – Нехорошо врать старшим, но я прощаю. Ты же из лучших побуждений. У нас во время похода на Израиль мальчишки на три года младше тебя воевали. И воевали хорошо. Не оставили от евреев камня на камне. И те, для кого ваш язык был родным – там тоже были. Взрослые. С одним мы в одном противотанковом расчете две «Меркавы» сожгли, пока его на куски не разорвало. Я тоже был молод. Хотя и немного постарше. Будет время, я расскажу вам про последний поход Халифата.

Окурочек чувствовал, что у него голова пухнет от обилия информации – может, и нужной, но идущей валом. Какой еще Израиль? Какой Халифат? Ох уж эти «прежние»...

– Я вижу, некоторые из вас чтут пророка Ису, – продолжал Мустафа Ильясович. Видимо, он имел в виду Иисуса и крестики, которые были на шее у пятерых, включая самого Окурочка. – Это хорошо. Раньше я цеплялся к букве и не видел дух. Пошел воевать против христиан, но на самом деле воевал против шайтана. Теперь говорю, что вера у нас одна и бог один. Вы, христиане, особенно православные, такие же «люди книги», как и сыны ислама. У нас в СЧП уважают тех, кто служит Богу. Церковь ваша, увы, не сохранилась. Как и католическая, наверняка. Но теперь у вас, как у нас, мусульман – любой, кто знает основы вероучения, может быть пастырем. Здесь такие люди есть. И помните, что сила веры важнее, чем сила оружия. Я не буду вас больше задерживать. Палатка медслужбы – большая зеленая, с красным крестом и полумесяцем, последняя в этом ряду. Чуть не забыл... возьмите вот эти значки, – он протянул Димону мешочек, в котором что-то позвякивало. – В бою они могут вас демаскировать, но в мирной обстановке их носят все. Клятвы и присяги тоже пока нет. Просто помните, что теперь вы наши. А это и права, и ответственность. И вот вам наши законы. Зубрить не обязательно, надо принять сердцем.

Замполит подал Окурку серый лист бумаги с десятком строчек и оставил их. Новобранцы прошли на территорию лагеря в сопровождении все того же Упыря и двух его людей.

Все здесь жило своей жизнью, бурной и шумной, и казалось невероятным, что еще сутки назад в этой части деревни рос только бурьян и нельзя было увидеть человека на улице, сколько ни карауль. Сюда ходили только за дровами или для темных дел – спрятать украденное или встретиться с чужой женой.

Теперь вокруг повсюду шло обустройство лагеря.

Бойцы с эмблемами черепа и смерча ставили большие утепленные палатки с печным отоплением. Фырчали генераторы, копались выгребные ямы и колодцы, рубились деревья. Визжали пилы, стучали топоры и молотки. У «сахалинцев» оказалась куча электрических инструментов, подобных которым Окурки в глаза не видел в асиенде. Он не удивился, даже увидев искры, летящие от работы сварочного аппарата. Интересно, где им удалось достать баллоны с газом?

То и дело подъезжали вонючие ЗИЛы с разнообразными грузами и материалами. И уезжали, наполненные мусором и ненужными обломками разобранных сооружений. Многие грузовики и прицепы переоборудовались под дома на колесах.

Тут же несколько бойцов в камуфляже расседлывали лошадей, снимали с их спин поклажу. Лошадей потом увели две женщины в камуфляже и в черных платках, закрывавших всю голову и шею.

Откуда-то из динамика летело громкое, хулиганское: «Я куплю себе змею или черепаху. Ну а ты давай вали, ехай на х...!»

– Остаются на зиму у нас? – решил проверить свою догадку Димон.

– Ага, – кивнул Упырь. – Конкретно нам не сказали, но кажись, ты прав. Будут зимовать. Завтра весь народ на работу выгонят. То ли трупы, то ли трубы будут таскать на нефтебазе. Если вам к Ольге надо, то идите быстрее. Скоро сабантуй начнется, и туда все ломанутся, чтоб ее девчонок побыстрее расхватать.

– Что такое сабантуй? – спросил Окурки. Слово ему ничего не говорило.

– Типа праздник. Точного дня у него нет. Когда главный разрешает оторваться, тогда и сабантуй. Но ты особо не надейся. Это для простых. Всех командиров Сам при себе держит. А тебя Рыжий отдельно сказал к Генералу привести, после того как вас врачаха посмотрит. Он ему наплел, какой ты крутой следопыт. Мол, знаешь все отсюда до самого океана. Надеюсь, ты уже пожрал.

Ну и сука этот Рыжий! Теперь не отцепятся.

«Если им нужны проводники, значит, будет поход, – догадался Окурки. – До сильных холодов... А может, и зимой. Когда никто его не ждет. Но для чего же они тогда обустраиваются так основательно?»

Ответ напрашивался. В поход пойдут не все силы. Основная часть останется на зимовке. А пойдут специально отобранные вместе с проводниками. Такими, как он.

Далеко в глубине лагеря на утоптанном пятачке, где уже успели поставить колонку с водой – вернее, починить старую, давно не работавшую – расположилась полевая кухня. И тут тоже кипела работа. На сложенном из целых бревен костре стоял на железных подпорках огромный котел. Голый по пояс повар в грязном фартуке помешивал деревянным черпаком исходящее паром варево. От огня был такой жар, что, даже пройдя на расстоянии десяти метров, Окурки его почувствовал.

Когда они шли в медицинскую палатку, приготовление пищи только начиналось. Мордатый кашевар строгал острым тесаком морковку прямо на лету, лихо, почти как недавно резали головы, рубил на части луковицы и головки чеснока и все это кидал в котел. Потом туда же был высыпан чуть ли не целый мешок риса.

Окуроч и забыл, когда последний раз ел рис. Как-то в детстве мама раздобыла пачку и они варили его на воде. А она еще говорила, что на молоке было бы вкуснее.

В их местах рис не выращивали. Видимо, «сахалинцы» привезли с собой запас с юга. Он попытался вспомнить, какие блюда можно готовить из риса, и догадался, только увидев тут же на грязной колоде нарубленные куски мяса вместе с ребрышками – плов! Аж слюнки потекли.

Глядя, как повар молниеносно шинкует мясо острым ножом, Окуроч задумался, не было ли того в числе палачей, расправившихся с людьми Гогоберидзе?

У Ольги в большой модульной палатке с крестом и полумесяцем они задержались на час с лишним. Впрочем, об этом времени добровольцы не пожалели. Сама сорокалетняя начмед, в грязно-белом халате, но с кобурой, была слишком грубой и мужеподобной со своим хриплым каркающим смехом и пошлыми шутками, но девчонки у нее в подчинении – вполне ничего, на их неизбалованный вкус. Жаль, что пока удалось только посмотреть на них.

За это время все семнадцать новых рекрутов были ощупаны и измерены. Никаких записей, как до войны в больничках, не делалось, да и вообще Димон не был уверен, что вся процедура не пустая формальность. Из врачебных инструментов тут были только скальпели и стетоскопы, из материалов – застиранные желтые бинты, бутылки спирта и какие-то мази. Но после общения с грубыми мужиками, каждый из которых или головы режет, или людей живьем жжет, попасть в такой цветник было просто отдыхом. Как ему показалось, бабенки были совсем не забытые, а по-своему даже раскованные. Они хихикали и строили глазки.

– Да на них клейма негде ставить, – выразил общее мнение Никифоров-старший, когда последний из будущих бойцов покинул медицинскую палатку.

По сравнению с заморенными женщинами деревни эти девки выглядели куда как аппетитнее. Хотя особо губу раскатывать не стоило – охотников до них должно было быть много и среди самой орды. Примерно по пятнадцать человек на одну.

Они очень скоро поняли, что правы. По всему лагерю поднялся пронзительный, режущий уши звон. Такой звук могли издавать только динамики громкоговорителя, один из которых они видели на столбе. Бойцы разных подразделений, даже «чушки» Шонхора, бросали работу и вскакивали со своих мест.

Отовсюду к палатке медичек стекались мужики, потные, покрасневшиеся, гогочущие, матерящиеся... Мат этот не был связан с ненавистью, а возвращался к своему исходному значению – связанному с размножением и встречей мужского и женского начала.

Они уже явно были перевозбуждены – и на глазах обалдевших добровольцев тут и там вспыхивали свары и драки, которые начинались с толчков в грудь и заканчивались разбитыми рожами. Дерущихся с трудом разнимали их товарищи. А ведь они еще даже не дошли до палатки!

– Ну все, Генерал ждет, – объявил Упырь. – Остальные пусть тут перекантуются.

– А где наша палатка? – спросил Окуроч. – Мне надо оставить бойцов, чтоб не потерялись в этом бардаке. И оружие? Наше осталось в караулке на блокпосту.

Он заметил, что его товарищи сами не прочь попытать счастья и присоединиться к гульбищу, да и попробовать плов тоже хотят. Привычка жрать впрок давно выработалась у всех, кто выжил. Сам же он хотел застолбить место для размещения общей поклажи. Иначе потом концов не найдешь – ноги приделают. Крестьянской смекалкой он догадался, что ордынское – это ничье. А твое – это то, что принадлежит тебе и тем, кому ты можешь доверять. Оружие могут другое и не выдать, да и шмотки Шонхора надо поберечь. Новых не даст.

– Палатка? Вот она, прошу, – Петруха указал ему на какие-то тюки, которые на их глазах сгрузили с очередного дровяного грузовика. – Разбирайте и ставьте сами на свободное место. И не благодарите меня.

«Ну и сволочи. Себе хотели оставить, а нас в сарай поселить. Ладно, ты мне еще ответишь. Но некогда качать права. Генерал ждать не будет».

– Пацаны, если будут проблемы или чего-то будет не хватать, найдите этого хитрожопого, – и, повернувшись к набычившемуся Упырю, добавил:

– Окей, веди к своему начальству.

Тем временем работа повара тоже была закончена. И очередь к полевой кухне выстроилась ничуть не меньше, чем к женской палатке. Хотя кухня, возможно, была не одна. Где-то вдалеке тоже кучковался народ с тарелками и вился ароматный дымок. Но и здесь навскидку стояло полторы сотни человек с алюминиевой посудой в руках.

Правда, это была не совсем очередь. Авторитетных бойцов и старшин пропускали сразу (последних Окуроч научился отличать – они или цепляли дополнительные значки на грудь, или нашивали полоски на рукава, либо делали черную окантовку воротника с манжетами – кто во что горазд). Пропустили и дородного мужика в крутом камуфляже, похожем на довоенную офицерскую полевую форму. У него была окладистая борода и довольно длинные волосы, собранные на затылке в «конский хвост».

Остальные ломались толпой – отталкивая друг друга локтями по принципу «кто успел, тот и съел». Наверно, когда жратвы было много, ее хватало всем. Но нерасторопные получали свою порцию последними. Во время дележки стоял жуткий гвалт и ор. Повар и его помощник ловко наполняли протянутые миски с помощью черпака на длинной ручке, иногда прямо над головами людей. Если кто-то ронял или переворачивал свою миску – то под чужой гогот вынужден был подбирать еду с земли.

Сами миски, которые они подставляли, были настолько жирные, что в них можно было жарить лепешки, как на сковородке. В закопченные походные кружки наливало питье, похожее по цвету на пиво или брагу.

Некоторые – судя по курткам, «бешеные» – получив свою долю, начали хватать из мисок пригоршнями, но зрелые ветераны из других отрядов подняли их на смех и оправили к деревянному ящику, где лежали россыпью вилки и ложки для тех, кто не имел своих столовых приборов.

Повар что было сил бил молотком в рельсу, стараясь перекрыть орущие динамики.

Глава 4. Сабантуй

С удивлением Окурочек увидел на площади знакомых женщин из Калачевки.

До этого он наблюдал – в свободной части деревни – как пришедшие за водой к колодцу девушки со страхом смотрят на вооруженных здоровяков в камуфляже, приехавших на зубастых БМП. Те скалили зубы в плотоядных ухмылках и показывали друг другу характерные жесты из двух кулаков. Но ничего не делали. Похоже, был дан строгий приказ не шалить.

Но здесь слабый пол присутствовал вполне добровольно. Некоторые даже накрашились, размочив водой старую засохшую косметику, которую они непонятно где нашли. В основном это были молодые вдовы, бабы-одиночки, девки на выданье. Но увидел он и несколько замужних теток. Интересно, а знают их благоверные, что они здесь? Или знают, но ничего не могут сделать?

Страшно прогневать могущественных гостей.

Внешне «сахалинцы» были настроены миролюбиво – никого не били и не выкручивали рук. Наоборот, угощали пловом, вяленным мясом, сухарями и щедро поили из бутылок и кружек каким-то напитком, явно алкогольным.

Где-то на другом конце лагеря поднялась дикая пальба. Окурочек на секунду было подумал, что на них напали, когда и здесь принялись стрелять в воздух из ружей и пистолетов.

Нет, это начинался сабантуй, то есть гульбище.

Из громкоговорителей понеслась дурацкая, но заводная песня «За тебя калым отдам, душу дьяволу продам! Ты как будто бы с небес, все к тебе толкает бес!»

Несколько бойцов «Черепы» и «Смерча», обняв друг друга за плечи, нестройно подпевали, передавая по кругу бутылку с мутным самогоном.

Какой-то боец, уже захмелевший, без куртки, порвав на груди полосатую тельняшку, так что видна стала синяя татуировка, начал стрелять из автомата очередями в низкое осеннее небо, где можно было увидеть удаляющийся птичий клин. Когда обойма закончилась, он вставил новую и продолжил пальбу. Он успел опустошить три, пока ему не дали по затылку и не выбили оружие, а самого не увели со связанными руками. Кто-то и в этом хаосе придиричливо следил, чтоб не тратили сверх меры дефицитные патроны. После этого палили только из пистолетов и ружей, а из «калашей» не стреляли даже одиночными. Как рассказал Упырь, патронов у Орды куры не клюют – и есть даже станки, на которых их штампуют.

Димон заметил, что из отряда «Казбек» пили далеко не все. Некоторые, рассевшись кружком на циновках и ковриках, пыхали дымом из трубок, больших и маленьких, а еще плясали. То вприсядку, то хороводом, под угрожающее многоголосое пение, сопровождавшееся хлопками и притопываниями. Другие рядом потрошили ножами толстые тюки, похоже, захваченные на фазенде – в одном оказались женские лифчики и трусы, зато во втором был упакованный в мелкие пакетики табак, который бойцы приветствовали радостными криками.

– Наташа, а ты что тут делаешь? – Димон увидел среди женщин соседскую веснушчатую девчонку, которую помнил еще, когда она ползала, и которой иногда приносил из своих вылазок слипшиеся в комок окаменевшие леденцы. Он и забыл, что в этом году ей уже исполнилось шестнадцать. Несмотря на прохладную погоду, на ней был короткий сарафан, и ножки покрылись от холода мурашками.

– Она со мной, – загородил от него девчушку какой-то хлыщ с песьей головой на плече, в кожаном мотоциклетном шлеме. Отряд «Цербер» – звучало, конечно, даже круче, чем «бешеные». Но суть от этого не менялась. Отморозки и живорезы.

Тип смотрел на Окурочку с вызовом. Упырь кивнул как близкому знакомому. Глаза у него были навывкате, красные и нездоровые. Карманы оттопыривались. Куртка запачкана то ли

жиром, то ли машинным маслом. За спиной стояли еще четверо таких же, разминали кулаки, один поигрывал ножом. Петруха незаметно наступил Окурку на ногу: мол, не связывайся.

– Дядя Дима, все хорошо, – не очень уверенно произнесла Наташка. На ее руке, где только что лежала лапа «бешеного», остались красные вдавленные пятна.

– Ну, раз хорошо, то замечательно, – растерянно произнес Окуроч. – Удачно время провести. А мы пошли.

И хотя хорошая драка никогда не пугала его, он видел, что сделать тут было ничего нельзя. Все вроде бы по согласию.

Рядом худенькую рыжую девчонку еще младше Наташи, вел под руку немолодой лысоватый мужик из отряда «Казбек» – вроде бы тоже старшина, с толстым брюхом и красной полозой на рукаве.

Та не сопротивлялась, шла сама, хрупкая как тростинка.

«Это ты просто завидуешь, – сказал себе Димон. – Сам-то тоже не прочь задрать любую юбку».

Ну нет, это он наговаривает на себя. На такую зеленую – ни в жисть бы не залез. Совестно. Да и хотелось не трахать все, что движется, а устроить свою жизнь нормально. Чтоб жена-загляденье и куча ребятишек... Правда, не сейчас, а когда-нибудь потом. Пока же надо было потрудиться, выслужиться. А это, как всегда повторяла мама, возможно только у хорошего, сильного хозяина.

Хотя иногда Окурку казалось, что ему нужен не хозяин, а воля-вольная – такая, чтоб творить что хошь и ничего бы за это не было. И как тут разобраться в своих желаниях?

Но то, что происходило здесь, хоть и было ему понятно – однако сильно его раздражало.

Да, никакого принуждения. Просто у «сахалинцев» еда, у них и власть. А в семьях голод, и никуда он не денется до следующего урожая. Который могут и отобрать. А может снова случиться недород... Димон слишком хорошо знал, что голод делает с человеком, как ломает его, заставляя унижаться так, как никакое животное не станет.

– Димка, пошли быстрее, – поторопил его Упырь. – А то мне из-за тебя звездочек вставят.

Через десять минут они, наконец, протолкались через потную, галдящую толпу к открытому пространству, в середине которого стоял тот самый бронированный грузовик «Мерседес». Лестница-трап была поднята. Вокруг машины стоял караул из восьми человек. Те самые ребята в бронежилетах. Судя по взглядам, которые они нет-нет, да и бросали, ребята тоже не прочь принять участие в сабантуе, но не позволяют себе даже с места сходить. Наверно, чуть позже их сменят.

Вокруг машины стояли воткнутые в землю железные подставки для факелов.

– Сам живет здесь. Он не доверяет никому и в фазенде не хочет останавливаться, – полупшепотом объяснил Петруха. – Следуй за мной и смотри: рта не раскрывай без разрешения. Тут тебе не здесь. Этот человек... если он сам к нам выйдет – не Гога. К нему надо как к богу на земле... Иначе смерть. Обращаться только «Ваше превосходительство».

«Да что вы меня все пугаете? Сначала Бобер, потом ты. Видали мы всяких. Тоже мне «бог». Не понравится совсем – получим оружие и свалим. В налетчики подадимся. Будем жить весело, вольно... хоть и недолго».

Здесь пришлось ждать добрый час, что Окуроч немного разозлило. И какой смысл был тогда спешить?

Солдаты в бронеках взяли автоматы наизготовку при их приближении, провожая цепкими взглядами сторожевых псов.

Когда подходили к лестнице, Окуроч почувствовал легкий мандраж. Но взял себя в руки и поднялся на нависающий балкончик, на который выходила дверца. При его приближении дверь распахнулась изнутри. Похоже, без человеческого участия, а с помощью хитрого механизма. Упырь остался внизу.

Окуроч переступил через порог и шагнул внутрь. Он обратил внимание, что дверца закрывается очень плотно и прижимается штурвалом. При необходимости кунг машины мог защитить от попадания радиоактивной пыли.

Внутри штабной машины было прохладно и тихо. Пол блестел так, что на него жалко было наступать. На входе его встретил молчаливый, как призрак, человек в черной форме. Он был без балаклавы, но обаяния ему это не добавляло. И роста в нем было почти два метра – ровно на полторы головы больше, чем в Окурке. Жестом он показал – «следуйте за мной». Язык ему вырезали, что ли? Они прошли по коридору, миновали комнату с несколькими маленькими столами, похожую на внутренности пассажирского вагона, и оказались перед большой двустворчатой дверью.

Створки двери распахнулись перед ним, и он ступил на покрытый вышарканным ковровым покрытием пол большой прямоугольной комнаты.

– Проходите, Дмитрий, – услышал Окуроч голос Мустафы Ильясовича. – Мы уже в сборе, только вас ждем. Вот и место для вас есть.

В помещении царил полумрак. Несколько окон были закрыты металлическими заслонками, а поверх них – шторами из ткани. Свет давали электрические плафоны на стенах, но половина из них не горела. В середине комнаты стояли сдвинутые столы, покрытые скатертями. Вокруг них сидели все те, кто выходил из штабной машины на встрече вождей орды с калачевцами. Кроме них был еще Мэр Павловский. Димон обратил внимание на то, что из всех местных пригласили только его – не было даже Бобра.

Рыжий хищно осклабился, когда увидел его. Остальные или покивали головами, или делали вид, что не заметили.

Генерал сидел во главе. Перед ним на столе стоял складной компьютер. Исправный или просто для понту?

И, слава богу, что не было Его превосходительства. Окуроч больше всего боялся, что тот почтит их собрание своим присутствием.

– Вы, наверно, хотите спросить, где наш благодаритель? – Генерал обвел взглядом вновь прибывшего. – Отдыхает. Так что не будем мешать ему. А пока мы проведем нашу первую «летучку» в новом составе. План у нас сегодня такой. Сначала мы введем в курс дела наших новеньких. Посмотрим небольшой фильм. Потом трапеза. Война войной, а обед по расписанию. Потом Самоделкин расскажет про результаты обследования нефтебазы и его успехи. Потом Шонхор расскажет о текущих проблемах со снабжением и путях их разрешения. А после мы обсудим самое главное. Детали предстоящей операции, в которой нам очень помогут наши новые добровольцы.

При этих словах у Окурка в душе заворочалось нехорошее предчувствие.

– Итак. Кто мы такие? – Генерал сложил руки на животе и хитро улыбнулся. – Для всех за пределами этой машины мы – СЧП. Сахалинское чрезвычайное правительство. Но это сказка. Вы ее будете повторять для других. Но вы, Сеня и вы, Дима – люди умные. Поэтому от вас никаких секретов. Само собой, ни на каком Сахалине мы не были.

Чувствовалось, что эту историю он любит рассказывать. А все остальные – кроме Мэра – слушали ее много раз, но все равно делали вид, что им интересно.

– Как все это началось? А просто встретились однажды где-то в Краснодаре два обормотца без роду и племени. И было у них на двоих полбанки крупы и кило солонины. И решили они вместе пойти в город Сочи. И повезло им по пути залезть туда, где уже лет сорок никто из смертных не был. Так у них появились два комплекта старой военной формы с одного режимного объекта... где они не нашли ничего получше, да два пистолета «Грач». Да еще секретный портфель и ноутбук высшей степени защиты. И решили они, что будут не разбойниками с большой дороги. А что один из них будет Уполномоченным... а второй – его первым Генералом. Не для себя, а ради других. Потому что люди вокруг гибнут. Не от голода. И не от радиа-

ции. И не от холода. Они гибли без надежды. И мы им эту надежду решили дать. Такой надеждой стало СЧП.

Как-то незаметно «они» в рассказе Генерала сменилось на «мы».

– Через неделю у нас было два десятка отчаянных парней со стволами и несколько машин. Мы пошли на наш первый штурм – на укрепленный лагерь прибрежных мародеров, которые потрошили выброшенные на берег корабли. Почти без шансов на успех. И мы победили. Через месяц у нас была армия в пятьсот человек с тяжелыми пулеметами и пикапами. Да двадцать населенных пунктов, которые платили нам даже не дань... а налог. И мы заставили с собой считаться всю прибрежную часть региона. После этого было много лет и много успешных походов. О нас узнал и Кавказ, и Кубань, и Краснодар. Потом мы пришли в Центральную Россию. Там мы начали не просто стричь дань и грабить города. Мы попытались построить Государство. Естественно, местным паханам это не понравилось. И в один прекрасный день с помощью предательства нас прижучили. Между своими не должно быть тайн, поэтому я вам рассказываю все без прикрас. Мы потеряли почти всю армию и матчасть, – Петраков сделал драматическую паузу. – Но надежда не умерла. И вскоре СЧП воспрянуло, как феникс. Но уже здесь, в землях между Доном и Волгой. – Генерал перевел дух и промокнул лоб платком.

Денщик в такой же черной форме, как привратник, налил ему что-то из графина в стакан.

– Вот так мы пришли к вам. И больше осечек на нашем пути не было. Города сдаются нам одни за другим. Армии разбегаются, а умные люди переходят на нашу сторону. Вы видите, что у нас тут дети разных народов. До войны страна наша была самая большая на Земле, в ней жили разные люди. Есть края, где живут люди с собачьими головами, есть и те, кто ходит кверху ногами. Некоторые едят сами себя – отрезают по кусочку и едят. За это их прозвали самоедами. Другие рожают детей через рот, а не как у нормальных человек положено. А ещё есть и такие, кто рождаются мёртвыми и живут потом, молодея. Но это присказка, господа. Сказка будет дальше. Я знаю их много. Будет время... расскажу. Например, про три орды, – Генералу налили еще чего-то в стакан. – Хотя она короткая, могу и сейчас... Была кызыл-орда, но погибла, потому что бога отвергла. Была алтын-орда, но погибла, потому что злату поклонилась. И есть Орда Новая... *ordo novus*. Которой суждено стать могучей и вечной. А четвертой не бывать, – он хлопнул в ладоши. – Теперь давайте посмотрим фильм о нашем победоносном пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.